Химия Ее Величества

Автор:
Ирина Дегтярева

Химия Ее Величества

Ирина Владимировна Дегтярева

Следователь Олег Ермилов #4

Москва, 2017 год. В одном из кабинетов «Лефортово» идет допрос экстрадированного из Германии игиловца – Рашида Евкоева. По данным разведки Евкоев – единственный на данный момент человек, который может дать бесценную информацию о некоем англичанине, то и дело наведывающимся в разные районы Сирии, где обосновались боевики ИГ, и по всей видимости передающего секретные разведданные руководству этой запрещенной в России террористической организации. Полковнику Ермилову поручено не только установить личность загадочного англичанина, но и понять на каком этапе происходит утечка сведений о наступлении правительственных войск и готовящихся авиаударах армии.

Ирина Дегтярева

Химия Ее Величества

Лето 2017 года, г. Москва

В допросной пахло табачным дымом и цветущей липой, которая росла за забором следственного изолятора, затесавшись между тополями. Казалось, духоту можно потрогать, а если подкинуть в воздух шариковую ручку, она

повиснет в пространстве, в плотности, порожденной не только смесью запахов, но и рутинным допросом.

Пчелы, ошалевшие от изобилия пыльцы, то и дело залетали через приоткрытую фрамугу, и следователь ФСБ Миронов ожесточенно дубасил кожаной папкой по очередной полосатой любительнице сладкого.

«Он мог бы не усердствовать, – скептически подумал Ермилов. – От его манеры ведения допроса пчелы и так передохнут, совершат харакири с помощью собственного жала».

Полковник Олег Константинович Ермилов расположился около двери на черном офисном стуле, закинув ногу на ногу и откровенно скучая. Стул был жесткий, допрос заунывный, и, кстати, уже не первый допрос, на котором он присутствовал. Напротив Миронова, ссутулившись, сидел экстрадированный из Германии игиловец – Рашид Евкоев.

– Ни в какие тренировочные лагеря «Исламского государства» я не ездил и не воевал против правительственных войск Асада… – твердил он, набычившись.

Его лицо с выступающим подбородком и выпуклым лбом выглядело неприступным и тупым, хотя, как знал Олег, Евкоев имел высшее образование.

Под потолком жужжала очередная пчела, вызывая чувство невнятной тревоги. В такую погоду хотелось ехать в тесной от продуктов и вещей машине на дачу, испытывая удовлетворение, что наконец все загрузили, впихнули, осталось только доехать, разгрузить, поесть… Ермилов усмехнулся и мысленно добавил к своим мечтам: «И ехать обратно, потому что выходные закончились».

Ермилова не уполномочили допрашивать Рашида. Он присутствовал на допросах Евкоева, чтобы пока только присмотреться и послушать, как Рашид ото всего отпирается. Это занятие не приближало Олега к решению поставленной перед ним задачи.

В голове всплыла аналогия из истории Руси о стоянии на реке Угре. Тут, правда, происходило «сидение в Лефортово», но суть почти та же. В 1480 году надо было «стоять крепко за православное христьяньство противу безсерменству», а в данном случае – против терроризма, прикрывающегося фальшивыми благими

идеями морального общества и псевдорелигиозностью.

У Ермилова последнее время к месту и не к месту во время работы возникали ассоциации со школьным курсом за пятый класс. «Вот что значит на старости лет обзавестись ребенком, – сочувствовал Олег сам себе, с облегчением думая, что одиннадцатилетняя Наташка хоть и со скрипом, но все-таки перешла в шестой класс, задействовав гуманитарные знания матери, опыт одного из старших братьев в естественных науках и аналитические способности отца-контрразведчика. – Знали бы учителя, кто писал этой свиристелке домашнюю работу и решал за нее задачи! Два кандидата наук, юридических и медицинских, и один засыпавший над тетрадками и учебниками полковник».

Миронов успешно справился с очередной пчелой, изучавшей клавиатуру компьютера, при этом едва не размозжив, правда, уже не слишком новую оргтехнику.

На самом деле Миронов был не так уж плох как следователь. Ермилов придирался по старой памяти. В свою бытность старшим следователем по особо важным делам в Генпрокуратуре Олег лихо и весьма результативно проводил допросы.

В 2000 году Ермилов загорелся идеей перейти работать в ФСБ. За 90-е годы бег с препятствиями в виде вала преступлений и махровой, воинственной коррупции совершенно вымотал его морально, да и финансово – зарплату все время задерживали. Он искал способ, как остаться следователем, поборником закона, но в то же время не маневрировать и не хитрить, добиваясь результатов и обвинительного приговора для высокопоставленных и богатых преступников.

И ему удалось. Упрямство Олега стало притчей во языцех среди его однокашников по юридическому институту еще в студенческие времена. Этот тихоня Ермилов со светло-серыми глазами, высоким лбом и ямочкой на щеке всегда добивался своего, несмотря на то, что выглядел как увалень-медведь. Он и жениться умудрился на самой бойкой и симпатичной девушке курса Люське Коротковой. (Хотя адвокатесса Короткова считала, что это только ее заслуга.)

После института он много лет прослужил в Генпрокуратуре, пока не перевелся в ФСБ. Но там Олег на следственную работу не попал, как планировал. Сперва оказался в английском отделе, а затем его перевели в ДВКР – Департамент

военной контрразведки, где он и служил уже пятнадцать лет, а последние два года был начальником отдела.

Посмотрев на часы, Олег Константинович переглянулся с Мироновым. Ермилов так и не услышал на протяжении допроса, длившегося уже почти час, то, ради чего приехал в «Лефортово». Как Миронов ни подводил Евкоева к нужной теме, игиловец настойчиво продолжал гнуть свою линию, игнорируя намеки.

И дело-то было пустячным – пара вопросов, и разбежались бы с миром, если бы Евкоев не пошел в глухой отказ. Дескать, за границу он выезжал вовсе не в Сирию, а в Турцию. Жаждал изучать Коран, но в школу хафизов, где учат Коран наизусть, его не приняли. Тогда он решил не терять времени и начал штудировать турецкий язык в «Баб-и Алем»[1 - «Баб-и Алем» – международная студенческая организация.] в Стамбуле. Там же ему помогли устроиться на работу грузчиком в магазине. В этом и состояло его алиби – предоставленные справки от «Баб-и Алем» и от фирмы, где он якобы трудился в поте лица, а этот трудовой пот, как следовало из его показаний, сушило ветерком с Босфора, а не горячими ветрами из пустыни где-нибудь в окрестностях Эр-Ракки или Кафр-Хамры…

Неделю назад Ермилова вызвал руководитель Департамента Петр Анатольевич Плотников и передал ему справку – выжимку из рапорта оперативника Управления по борьбе с терроризмом. На половине странички незнакомый Олегу сотрудник туманно изложил сведения, полученные, вероятно, от их информатора.

По этой справке, естественно, нельзя было вычислить, «откуда дровишки». Вообще мало что удалось из нее понять. Зато от справки отчетливо сквозило проблемами, которые Олег Константинович заполучил вместе с поручением от генерала – разобраться в кратчайшие сроки и доложить.

Плотников терпеливо ждал, пока Олег ознакомится со справкой. Поглядывал поверх узких очков, съехавших на нос, будто взглядом поторапливал.

Петр Анатольевич не изменился за годы, которые Ермилов его знал. Все такие же пронзительные глаза, излучающие одновременно скепсис и иронию, седоватая шевелюра, прореженная на лбу временем и активной мыслительной деятельностью. На новой должности Плотников стал разве что чуть суше и

серьезнее. И в отличие от его прежнего кабинета, заваленного кипами газет и книг, теперь на его письменном столе и в кабинете царил образцовый порядок. Справа от его руки на столешнице лежала пара отточенных карандашей, и, когда бы Олег ни заходил к начальству, карандаши располагались строго параллельно, сантиметрах в четырех друг от друга. То ли шеф ими вовсе не пользовался, то ли от большой нервной нагрузки то и дело подправлял их, чтобы не отвлекали своим несоответствием порядку.

Именно Плотников решил, что Ермилов будет начальником отдела, хотя хватало более опытных кандидатур и желающих. Нынешний заместитель Ермилова, Вадим Григорьев, до сих пор дулся и по привычке не скрывать того, что думает, в отношениях с Олегом откровенно ворчал: «На этом месте должен был быть я». Олег тоже отшучивался фразой из фильма: «Напьешься – будешь». Так их препирания и заканчивались.

Если генерал Плотников велел начальнику отдела лично разобраться, то, очевидно, придавал большое значение этой мутной справке.

Ермилов многократно убеждался в особом чутье кадровых фээсбэшников, особенно Плотникова, – в их умении из пустячной зацепки, случайно кем-то сказанных слов, из ничтожных деталей вытянуть перспективное дело. И хотя сам уже давно работал в госбезопасности, считал, что ему этого чутья катастрофически не хватает.

Его мнительность и порой неуверенность в себе тем не менее не мешали ему в работе. Но в том, что касалось знания уголовного кодекса и ведения допросов, он до сих пор чувствовал себя все же гораздо комфортнее.

Вот и сейчас, слушая препирательства Миронова и Евкоева, Олег мысленно набросал планчик, как бы он сам работал с этим типом – ровесником своих сыновей. «Планчик»-то составил, только в нем не значился сам Евкоев.

В «Лефортово» хватало коллег Рашида по ИГ, которых Ермилов и стал бы раскручивать, пытаясь нащупать точки их соприкосновения с Евкоевым там, в Сирии, в учебных лагерях «Исламского государства». А то, что Рашид наверняка с кем-то из уже задержанных пересекался на Ближнем Востоке, у Олега сомнений не возникало.

Парни из бывших республик СССР, с Северного Кавказа, из Татарстана, да и многих вовсе немусульманских городов России, попадали в одни и те же учебные лагеря псевдохалифата, их там распределяли по так называемым «домам» в зависимости от национальности и особенностей подготовки.

Если учесть, что Евкоев из Владикавказа, то с большой долей вероятности он повоевал в составе «Джамаат Имарат Кавказ». Боевиков обкатывали в Сирии в реальных боевых действиях, прежде чем заслать в Россию, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан для подпольной террористической деятельности.

Из-за специфики работы военной контрразведки Олег сталкивался с проблемами ИГ и терроризма опосредованно – каналы поставок оружия боевикам, кража оружия, пластита и электродетонаторов с военных складов, попытки новоиспеченных игиловцев пробраться на объекты Минобороны с целью диверсии – вот область приложения энергии его отдела.

Оружие и взрывчатые вещества в магазине не купишь, только на нелегальном рынке – у «черных копателей» и у нечистых на руку военных, приторговывающих со своих складов. Для потенциальных террористов автоматы, пистолеты, гранаты, пластит и электродетонаторы – это орудие производства. Производства ужаса, паники и смятения среди мирных граждан…

Они не столько людей взрывают, сколько политическую ситуацию в стране раскачивают. Что это за государство, которое не может предотвратить и защитить? Вот на эту же мельницу льют воду агитаторы-провокаторы, внедренные в печатные и телевизионные СМИ. Если на руку террористам использовать для связи программное обеспечение «Телеграмм», «Ватсап», «Имо», значит, тут же на телевидении, по радио и в газетах поднимается волна активного манипулирования сознанием, борьба за мнимую возможность конфиденциально и свободно общаться. Пользуются тем, что сотрудники госбезопасности не станут раскрывать секретов оперативных разработок и материалов дел по десяткам террористов, задержанных и уже отбывающих срок, которые беспрепятственно контактировали со своими хозяевами и координаторами в Сирии, в Турции и других странах, с помощью «Телеграмм» и кодированных сообщений по «Скайпу» получали детальные инструкции, вплоть до схем самодельных взрывных устройств. Что же, возможно, конфиденциальность важнее человеческих жизней…

Олег, глядя на Евкоева, вот уже второй день своего безучастного участия в допросах пытался понять, что испытывает по отношению к этому человеку.

Когда Ермилов только начинал работать следователем, он считал, что подследственный – это враг и призвание следователя с ним бороться. Но в действительности борьба становилась приглушенной, словно раскаты отдаленного грома, уходила на задний план, подсознательный уровень, никак не связанный с взаимоотношениями и общением с подследственным. Допросы порой превращались в милую болтовню о том о сем, внезапно оборачивающуюся реальным сроком для собеседника Олега. Вроде посидели, пошутили, посмеялись, один поехал домой на заслуженный отдых, а другой, после суда, – в места не столь отдаленные. Поэтому Ермилова побаивались среди той части населения, что промышляла бандитизмом и мошенничеством, про него ходили слухи – к этому следователю лучше не попадать. Вежливый до дрожи, тихий, культурный, а сроки его подопечные получают самые большие, даже тогда, когда, казалось, можно отделаться условным и штрафом.

Вот и теперь Олег невольно пытался примерить к Евкоеву свою подзабытую методику как к обычному подследственному. Но как ни старался выискать в себе хоть крупицу симпатии, от которой можно было бы отталкиваться в построении линии поведения с Рашидом, так и не нашел.

Евкоев производил впечатление пришельца с другой планеты.

Когда Евкоева увели, Миронов отер круглое лицо клетчатым носовым платком и красноречиво развел руками.

– Кофейку? – он нажал кнопку на электрочайнике, стоящем на столике у окна.

Олегу не хотелось пить быстрорастворимую бурду, но он не стал обижать приунывшего Миронова.

Недавно Ермилов открыл для себя забегаловку-пельменную, где варили пельмени в точности, как в его советской юности, и всей душой и желудком рвался сейчас туда, однако продолжая сидеть на жестком стуле в допросной, разглядывая руки Антона Миронова. Следователь сосредоточенно насыпал в чашки гранулы кофе и сахар. У него на кистях рук отпечатались характерные светло-бежевые округлые следы одуванчика.

Ермилов представил себе следователя пропалывающим на даче грядки, облаченным в перчатки и фартук жены и еле сдержал улыбку.

– Антон Андреич, – Олег отпил обжигающий кофе с привкусом цикория, – мне сказали, что вы ведете несколько аналогичных дел. Вы не пытались поспрашивать других ваших подследственных о Евкоеве?

– В каком смысле? Они из разных групп и никак не связаны.

У Миронова покраснели лоб и шея, оттенив его светлые, выгоревшие на загородном солнце брови. Ермилов догадался, что Антону ситуация не по нутру – нарисовался тут контрразведчик, сидит над душой, лезет под руку да еще поучает. Но Миронов сдержался и добавил:

– Есть пара-тройка боевиков. Полагаете, надо показать им фотографию Евкоева?

Олег кивнул.

– Мне не совсем понятно, что это даст, – робко заметил Миронов. – Родственники его пытаются доказать, какой он честный парень. Через адвоката суют документы, раздобыли даже справку об аренде им квартиры в Стамбуле. Будто он не мог арендовать квартиру и уехать в Сирию. А так, собственно, и было.

Ермилов с начала войны в Сирии и возникновения этой головной боли – ИГ, от которой страдали все спецслужбы мира (конечно, те из них, кто не способствовал созданию ИГИЛ), успел вникнуть в механизм вербовки, обучения боевиков, их отправки на родину с целью ведения диверсионно-террористической деятельности. Он знал, что координаторы «Исламского государства» работают весьма профессионально в том, что касается легендирования нахождения боевиков в Турции.

– У него адвокатесса из правозащитного центра «Мемориал». Достала меня до печенок. Сует справки из «Баб-и Алем», что он обучался турецкому, и из закрывшегося уже агентства «Акросс Груп» тоже, вроде как работал он у них. К делу эту липу я приобщать, разумеется, не стану.

– Его ведь экстрадировали из Германии? Кто-то на него настучал, как я понял?

Миронов уклончиво повел головой.

Ермилова не посвящали в детали задержания Евкоева, но кое-что он знал, а остальное додумал, полагаясь на свой опыт, – Рашид еще не успел вернуться из Турции, когда на него уже завели уголовное дело в России, явно основываясь на чьих-то показаниях. Евкоев уехал из Стамбула в Германию, и там его взяли тепленьким и передали российской спецслужбе.

Сдавший Евкоева человек не фигурирует в деле. Вероятнее всего, сотрудник Управления по борьбе с терроризмом, составляя справку, основывался на донесении агента, общавшегося с Евкоевым в лагере «Шейх Сулейман», расположенного между Хаританом и Атмой в Сирии.

Агент и свидетелем быть вряд ли сможет, не захотят его светить. Вот если бы существовала высшая мера для террористов… А то ведь Евкоев рано или поздно выйдет из тюрьмы и сообщит сотоварищам, кто его сдал. Этого допустить нельзя. А потому следователю надо поставить дело так, чтобы хватило для суда доказательств участия Евкоева в незаконном бандформировании и без показаний агента. Задача не из простых.

Задумчиво и сочувственно глядя на круглолицего следователя, Олег начал догадываться, почему именно ему, Ермилову, Плотников поручил отработать информацию. Тут требовались навыки следователя. Олегу самому придется припереть Евкоева.

За время этих двух допросов Ермилов успел понять для себя главное – Евкоев серьезный противник. Он постоянно контролирует свои эмоции, крепкая нервная система, ясная голова. «Его явно готовили в ИГИЛ для серьезных дел и, возможно, для работы координатором в целом регионе, к примеру, на Кавказе», – решил Олег.

Ермилов по привычке про себя часто называл «Исламское государство» по-старому – ИГИЛ, хотя с конца июня 2014 года, после самопровозглашения халифата, аббревиатуру урезали до ИГ, уже без указания определенного региона, захваченного черной бесовщиной, прикрывающейся маской одной из великих религий мира.

Игиловцы теперь не ограничивались Левантом, странами Средиземноморья – от Турции до Красного моря. Им, наверное, мерещится, что они могут захватит весь мир. Они предпринимают все, чтобы добиться этого. И в Сирии действуют так же, как в Ираке…

Живет себе арабский городок своей жизнью: люди торгуют, учатся, молятся, пекут лепешки, а вдруг оказывается, что по соседству с ними обитает завербованный ИГИЛ человек. Он исподволь, ненавязчиво, но профессионально разговаривает с одним, с другим, внедряет в сознание идеи великого халифата с жесткими, но справедливыми законами, с жизнью моральной, не на западный пошловатый манер, когда абсурд правит миром, когда женщины перестали быть женщинами, мужчины – мужчинами, а вместо религии – прогресс, который удушающим захватом вцепился в горло своим взвинченным темпом жизни.

Игиловцы сами охотно пользуются достижениями прогресса, однако верхушку ИГИЛ устраивает, чтобы рядовые бойцы существовали как мухи, залипшие в сладости их медоточивых обещаний и в ожидании лучшей жизни. В этом прогорклом меду они как зомбированные продвигались от салята до салята, проводили часы в затяжных, монотонных переездах на пикапах с зушками в кузове, с ног до головы в пыли, готовые умереть в любой миг.

Такие соседи-проповедники, вербующие в ИГИЛ, предлагают золотые горы, а на самом деле в качестве альтернативы западным «ценностям» подсовывают средневековые и не менее абсурдные правила новой жизни.

Действуют исподволь, а затем начинается уже военное вторжение, после подготовительного периода. И вдруг в сирийских городах, куда вторглись игиловцы, местные узнавали, что соседи, с которыми они здоровались каждое утро и вместе с которыми ходили в мечеть, давно уже состояли в банде и являются «спящими» боевиками халифата.

Именно они указывали пришедшим в город головорезам, кто алавиты, кто сунниты, кто и вовсе не мусульмане… Убивали, правда, без разбора, но смерть суннитам – детям, женщинам, старикам – «дарила» пуля в лоб, алавитам же отрезали голову.

Постепенное разрастание сети вербовщиков подпольных филиалов ИГ происходит и в европейских городах. Теракты на грузовиках, давящих людей

прямо в центре красивых столиц Европы, – это уже не что-то рядовое, а из ряда вон…

Что им старинные дома, скульптуры! Дикари под черными флагами неистово крушили древнейшие памятники культуры и религии в Пальмире и в других городах Сирии. В это же время под шумок руководители этих оголтелых фанатиков прятали и продавали на Запад самое ценное из древностей, едва успевая паковать в ящики и вывозить, как правило, через Турцию. Сбывали коллекционерам со всего мира.

Беженцы, наводнившие Европу, в толпе которых затесались игиловцы, легализовываются и получают пособие, ждут своего часа. Когда-нибудь этот час пробьет, и тогда черный флаг безумия и жестокости захлестнет и Европу. Готова ли она к этому?

Рашида игиловцы отправили в Германию вынужденно. Обучали ведь для диверсий в России, но поскольку его объявили в розыск на родине, то координаторы ИГИЛ поменяли планы в отношении него, рассчитывая, что немцы не выдадут Евкоева. Он мог стать там одним из многочисленных «спящих» боевиков. Они просчитались.

То, что он имеет высшее образование, то, что его игиловцы обеспечили надежным алиби, которое сможет разоблачить лишь предательство других игиловцев, задержанных в России, в том случае, конечно, если так повезет и они, паче чаяния, видели в Сирии Евкоева, – все это указывает на то, что готовили его всерьез и потратили немало денег на обучение и прикрытие.

С Рашидом можно будет поторговаться, если удастся раздобыть доказательства не просто его обучения в Сирии (это один срок – намерение стать террористом, которое карается не так сурово, как участие в боевых действиях в составе ИГ), а того, что он там воевал. В любом случае придется просить у Плотникова больших полномочий. Необходимо изучить детали дела Евкоева, чтобы найти к нему подход.

В справке, полученной Ермиловым от Плотникова, содержалась информация о том, что некий Ахмад сопровождал англичанина по территории учебного центра в Харитане. Вроде как выполнял роль его гида или, может, даже телохранителя.

Англичанин интересовался процессом подготовки, затем уединялся с командирами в штабе. Это происходило неоднократно. После приезда англичанина группы боевиков, еще толком не обкатанные, кидали в бой в разных районах, где возникала опасность прорыва правительственных войск на территории, подконтрольные черному халифату.

С этих выездов многие возвращались в кузове под брезентом бездыханными. А тех, что уцелели, слегка подбадривали финансово, наркотиками, «запрещенными» на территории халифата, и кормили обещаниями райской жизни. Правда, в джаннат они попадут только после героической гибели.

Некоторые из боевиков, осознавшие, что черный халифат замешан на нефти, деньгах, масштабном обмане, грабеже и убийствах, пытались бежать. Но из этого предбанника рая удрать было совсем непросто. Затаскивали обратно силой, казнили демонстративно или держали в темных тесных бетонных камерах, пытали, морили голодом, удовлетворяя свои садистские наклонности.

Иногда после приезда англичанина группы боевиков перебазировались (это, как понял Олег, агент, писавший справку, узнавал по косвенным признакам – сплетничал с другими игиловцами на боевых выездах), а той же ночью или на рассвете место их предыдущей дислокации оказывалось уничтоженным российскими бомбардировщиками.

Автор справки подразумевал, что именно англичанин привозил свежие разведданные руководству учебного центра.

Еще сидя в кабинете Плотникова, под его пронизывающим взглядом читая эту справку, Олег подумал, что дело бесперспективное, догадался, какое будет задание. И не ошибся.

Необходимо установить личность загадочного англичанина, то и дело наведывающегося не только в Харитан, но и, по-видимому, в другие районы, где обосновались боевики ИГ, понять, на каком этапе происходит утечка о наступлениях правительственных войск и авиаударах Российской армии.

Рашид Евкоев – единственный человек на данный момент, который мог дать бесценную информацию об англичанине. Именно Рашид в Сирии фигурировал под псевдонимом Ахмад.

Агент еще особо отметил в справке, что англичанин опасен. Ездит на пикапе, забитом оружием, с пулеметом в кузове. Сопровождает его крепкий парень. «Ему нечего терять, и за ним стоят, по-видимому, серьезные люди», – заключил агент, а делавший для военной контрразведки выжимку из его донесения сотрудник Управления по борьбе с терроризмом посчитал, что эту фразу стоит включить в справку.

* * *

Олег вышел из следственного изолятора «Лефортово», вздохнув с облегчением. На улице было даже прохладно. Вроде собирался дождь, небо серело над верхушками старых тополей, окружающих забор изолятора, словно неумелый художник, не дав просохнуть зеленой акварели, которой прорисовал кроны деревьев, стал рисовать небо, и все смешалось. Но по прогнозу дождь не обещали.

Сегодня Ермилов являлся счастливым обладателем красной «Ауди». Он отбил утром ключи от машины у Люськи, пообещав докрасить террасу в их многострадальном финском дачном домике.

Людмила, как хан Батый, требовала от него этой малярной дани каждый год. Спорадические действия Олега приводили к тому, что, купленные одним летом и не использованные сразу, банки с краской засыхали, на следующий сезон покупались новые, уже слегка другого оттенка, и домик напоминал картины импрессионистов – на его фасаде царили аляповатость и буйство цвета.

Машину Люська приобрела под себя (выбрала и цвет, и модель), на свои адвокатские гонорары, и хотя настаивала, что машина все же семейная, в распоряжение Олега «Ауди» попадала крайне редко. Да он особо не переживал и чаще ездил на метро.

Однако еще на вчерашнем допросе Ермилов запланировал сегодня встретиться со старым другом в связи с делом Евкоева.

Доехав до Лубянки, Олег заглянул в кабинет к своему заму. Тот сидел за массивным письменным столом, уставившись в экран компьютерного монитора воловьими глазами с поволокой.

– Вадим, меня никто не спрашивал?

– Кому ты нужен? – пробурчал флегматичный Вадим машинально, но тут же спохватился: – Из головы вылетело. Тебя разыскивал начальник английского отдела. Просил зайти срочно, как только ты появишься.

Григорьев был помоложе Олега, но выглядел, пожалуй, старше. Пухлые щеки, прядь черных волос, тронутая сединой, то и дело сползавшая на глаза, придавали его лицу выражение человека, который любит поесть и не любит работать. На самом деле подполковник Григорьев отличался аналитическим складом ума, исполнительностью и настойчивостью.

Поглядев на него, Ермилов прикинул, стоит ли подключать Вадима к проверке по англичанину, скрытому завесой расстояния, тайны и времени, отделявших Олега от объекта его разработки.

Все эти факторы, особенно расстояние и время, становились песчаной бурей, крупицами песка, раздражавшего, застилавшего глаза, но не складывающегося пока хоть в какое-то подобие силуэта, какое удается изобразить песочным аниматорам, рисующим песком на подсвеченном стеклянном столе.

«Я буду строить песчаные замки из предположений и надеяться, что, когда достроюю, они не рассыплются от одного лишь недоверчивого вздоха Плотникова».

Олег решил все же заглянуть к Тимохину. Тот теперь возглавлял английский отдел, после того как Сорокин (первый начальник Ермилова в ФСБ) ушел на заслуженный отдых.

«Срочно! – мысленно ворчал Ермилов. – Я ему не подчиняюсь. Что Тимохину вдруг приспичило?»

В кабинете Тимохина его ожидал сюрприз. Там сидел Сорокин собственной персоной. Его борода совсем поседела, а карие глаза все так же живо и азартно блестели.

– Сергей Романыч, вот так встреча! – Олег кивнул Тимохину и пожал руку привставшему Сорокину. Тот улыбался, но чуть натянуто. – Всегда вас добрым словом вспоминаю. С вашей же подачи я тут работаю.

– Ладно, чего там, – стушевался Сорокин. – Я ведь, Олег Константиныч, не случайно, что называется, на огонек заглянул. Вот Юрий Ильич меня вызвал, а затем и тебя.

Ермилов сообразил сразу: если дело касается его и Сорокина, значит, речь пойдет о начале 2000-х годов. Именно тогда Олег работал под началом Сергея Романовича. И пожалуй, только два крупных дела могли заслуживать особого внимания – Дедов и Кедров. С Кедровым все было внятно, закончилось тем, что Кедрова посмертно наградили. А вот в деле Дедова оставалось много мутных болотистых мест, в которые Олег не хотел и тогда влезать, да и теперь.

– Речь о Дедове?

– Ты что-то знаешь? – Сорокин и Тимохин переглянулись.

– Обыкновенная логика, – пожал плечами Ермилов. – А что там может быть нового? Дедов – предатель, и он мертв, покончил с собой, и это не вызывает сомнений. Известия о Ричарде Линли? Так мы с ним, к счастью, никак больше не пересекались после дела Кедрова. Я только узнал, что именно Линли от МИ6 выходил на контакт с предателем Петровым в Болгарии.

– Петров – это лейтенант из НИИ Минобороны? – припомнил Юрий Ильич. – Нет речь не о Линли. Тут дело поделикатнее и серьезнее.

Тимохин человек слегка грузный. Крупный мужик, и конституция у него солидная. Ермилов, сдавая положенные спортивные нормативы, не раз наблюдал, как Юрий Ильич страдает на беговой дорожке. И вроде бы надо держать себя в тонусе (Олег спорт уважал), но в их профессии все же главное – мозги и быстрая умственная реакция, а не физическая.

– Тогда остается одно – Кадровик, – вздохнул Ермилов и попал в точку, судя по вздрогнувшему Сорокину и оживившемуся начальнику английского отдела.

Олег несколько лет назад невольно подставил этого самого Кадровика – Виктора Сергеевича Серова, мимолетно упомянутого предателем Дедовым, подозревавшим, что Кадровик тоже завербован МИ6. Серов, как позже догадался Ермилов, наш разведчик. Но еще не зная об этом, Олег в разговоре со своим приятелем Алексеем Руденко, тогда офицером безопасности посольства РФ на Кипре, сказал о Викторе Сергеевиче несколько резких слов, считая, что его надо плотно разрабатывать, а это отчего-то не происходит. А разговор прослушали англичане, их SAS ШКПС – техническая разведка, занимающаяся радиоперехватом.

Российской разведке из-за болтовни Ермилова пришлось тогда осуществлять глубокое прикрытие Серова. Сперва его посадили в тюрьму, осудив по статьям «госизмена» и «шпионаж», а при первом удобном случае обменяли, «отдали» англичанам, на которых Виктор Сергеевич и работал до тюрьмы, с начала 90-х годов, намеренно подставившись под вербовку по заданию российской разведки.

– Ты о нем еще с кем-то говорил? – хмуро спросил Тимохин.

– Никак нет. Мне хватило прошлого раза, да и то по неопытности. И выговор я тогда получил, – «очередной», мысленно добавил Ермилов.

– «Никакнетом» не отделаешься, – грустно пошутил Сорокин. – С нас всех требуют объяснительные. И ты, и я были невольно осведомлены об истинной сущности Серова.

– Его что, там накрыли? – предположил худшее Олег, похолодев.

– Типун тебе на язык! – пожелал Сорокин. – Просто он в очередной шифровке выразил некие опасения за свою безопасность.

– В чем это проявляется? – недоумевал Олег.

– Ну нас в детали не посвящали, – Тимохин поджал пухлые губы, как обиженный мальчишка. – Однако что-то его здорово беспокоит, раз он решился сообщить об этом в Центр. Серов тревожится – не мог ли кто-нибудь его тут слить, как говорится, вольно или невольно.

– Я про него с тех пор ничего не слышал, – развел руками Олег.

– Вот об этом и напиши, не рассусоливая. Кратко. Я уже, – Сорокин постучал ногтем по лежащему перед ним листу бумаги.

– Почему они его не отзовут? Что его там удерживает? Семья?

– Жена у него умерла, и сын не так давно. Дочь в Москве.

* * *

…Ермилов поручил Вадиму оставаться «в лавке» за старшего, а сам, пока шел по пружинящему полу коридора до своего кабинета, набрал знакомый номер на сотовом.

– Богданыч, приезжай на корт, растрясем жирок.

– Твой? – ядовито отреагировал Славка.

Слышались голоса рядом с ним. Наверняка какое-то совещание. Он же теперь в Министерстве внутренних дел, генерал. Успел уйти туда на повышение до того, как УБОПы приказали долго жить. Курирует Северный Кавказ.

– Ну и мой, – покладисто согласился Олег. – Через час сможешь? Я корт забронирую. Да и поболтать надо о том о сем…

– У-у, – протянул Богданов. – О том о сем только по официальному запросу. Твое то и се оборачивается для меня обычно головной болью и беготней. Я уже это проходил… А через час я смогу. Надо же помочь товарищу держать себя хоть в какой-то более-менее подобающей форме. А то, глядишь, уволят за несоответствие. Кроссовки брать для грунта или в зале будем играть?

– На улице, – буркнул Ермилов, понимая, что Богданов воображает себя забронзовевшим. – Кончай хохмить и ракетку не забудь!

* * *

Тополя окружали четыре грунтовых корта плотной любопытной толпой, в их кронах еще и пернатые зрители присутствовали – воробьи и вороны. Они то и дело вылетали из гущи деревьев, отвлекая теннисистов. Взгляд невольно провожал не мяч, а птицу.

Деревья отделяли корты от дороги и создавали камерную обстановку, словно и не в центре города. Но тополя сыпали листья, пух и ветки на грунт…

В ожидании Богданова Олег с удовольствием расчистил линии специальным роликом-щеткой, разровнял грунт волокушей и теперь поливал из шланга слишком сухое покрытие. Предыдущие игроки за собой не убрали.

– Дождь накликаешь! – крикнул от сетчатой калитки Богданов.

Бывший собровец и без того отличался массивной фигурой и широкими плечами, а с возрастом стал еще крупнее и шире, отрастил и небольшой генеральский животик, почти незаметный под широкой сине-серой футболкой под цвет синих шорт до колен.

На плече Вячеслава висела красно-белая спортивная сумка, из которой торчала ракетка с довольно замызганной бежевой обмоткой.

Богданов последние года два отращивал усы, наверное, для солидности, стриг он их небрежно, и правый ус казался чуть длиннее левого. Славка так и не женился. Путался с какой-то официанткой из министерской столовой, но ни с кем ужиться в своей берлоге не мог.

Он присел на металлический стул, скрепленный с двумя такими же в подобие скамьи, на одном из них было мягкое кожаное сиденье. Рядом стоял круглый металлический столик. На него Богданов выставил пару бутылок с водой. Он вытянул длинные ноги, с наслаждением наблюдая, как полковник ФСБ трудится, вооружившись шлангом.

Олег почувствовал, что друг заважничал, и обдал его водой из шланга. До Славки долетели только несколько брызг, он показал здоровенный кулак

Ермилову, поднявшись, взял ракету, как биту закинув на плечо, и вразвалочку пошел на свою сторону корта, пообещав:

– Я тебя разделаю под орех.

Следующие полчаса Вячеслав пытался расстрелять верткого полковника теннисными мячами, но тот ухитрялся отбиваться, и Богданов аж рычал.

Наконец он, изможденный, сел передохнуть и выпить воды. Олег встал напротив, постукивая себя ракеткой по ноге. Он в отличие от курильщика Богданова даже не запыхался.

– Славка, ты же на Кавказ часто ездишь?

– Зубы не заговаривай. Выкладывай, в чем дело. Я инспектирую своих, ментов, а не шпионов и не военных, торгующих государственными секретами.

– Шпионов мы сами проинспектируем, – Олег сел рядом и бесцеремонно отобрал бутылку воды у Богданова, отпил немного. – У тебя есть во Владикавказе надежные люди?

– Еще ближе к делу, – вздохнул Богданов, разглаживая усы.

– А у этих твоих людей должны быть информаторы, – намекнул Ермилов.

– У ваших людей они тоже есть. Чем мои лучше?

Олег помялся и все же объяснил:

– Наших я задействую, это само собой. Но у нашего Департамента определенный контингент информаторов, который лишь косвенно, а то и вовсе не сможет мне добыть то, что я ищу. Для получения более детальной информации придется задействовать людей из другого Управления. По борьбе с терроризмом.

– Конкуренция? – догадливо покивал Слава.

– Не совсем. Свою агентуру все берегут как зеницу ока и полученные сведения профильтруют до состояния жиденького супчика, а навар весь себе оставят.

– Оно и понятно. Не захотят, чтобы оставался хоть намек на то, кто их агент, а во-вторых, себе галочку поставить никто не откажется. А тебя, выходит, интересует что-то связанное с терроризмом?

– Ну не так глобально. Давай еще пару геймов. Кто подает?

Богданов проиграл гейм и подошел к сетке. Постучал по ее кромке ребром ракетки:

– Так что нужно-то? Официальное поручение будет от Конторы?

Олег подкинул мяч на ладони, рыжеватый от налипшего на него грунта:

– Формалист ты Славка. «Будет вам и белка, будет и свисток…» К счастью, ты тогда в Чечне не был таким занудой и не требовал у меня заверенной прокурором санкции, чтобы вытащить меня из-под огня. Иначе я бы кровью истек.

– А надо было. Это из-за контузии на меня умопомрачение нашло. Знал бы, что ты за жук, не стал бы, а теперь ездишь на мне, как на муле.

– Жук-наездник? – Ермилов вспомнил очередную информацию из курса пятого класса. – Откладывает яйца в насекомых. А его личинки потом сжирают это насекомое. Кстати, эти наездники полезны для сельского хозяйства, потому что из-за них гибнут вредные насекомые, на которых они паразитируют.

– Тьфу на тебя! – сказал Богданов, брезгливо передернув плечами. – Какие, к лешему, яйца?! Ты мне зубы не заговаривай. Может, ты и полезен для сельского хозяйства, но мне от тебя одна головная боль. Если будет официальный запрос от вас, то где гарантия, что именно мне поручат этим заняться?

– Ты Кавказ курируешь. Я сделаю так, что поручат тебе.

– Это тоже проблема! – продолжал жаловаться Вячеслав. – Пойдут разговоры, дескать, я с твоей Конторой связан, раз мне уже личные поручения дают…

– Вымогатель ты, Славка! Будет тебе в выходные шашлык на даче и к шашлыку… Только спать будешь на чердаке. Ты в прошлый раз диван на первом этаже продавил, лось.

– Это он мне в бок пружиной двинул, до сих пор болит. Давай играть. И можешь в качестве аванса проиграть мне.

– Мечтать не вредно.

Олег сделал два эйса в гейме – подал неберущиеся мячи – и выиграл сет.

Богданов повесил полотенце на шею и снова пробормотал:

– Тьфу на тебя! Зато я – генерал.

Они оба рассмеялись и пошли в раздевалку вдоль кортов по узкой дорожке с серым специальным покрытием, напоминающим наждачную бумагу. Их оплаченное время вышло.

– Будет тебе завтра официальное поручение.

– А конкретно что нужно? – Богданов моргал голубыми глазками богатыря, который вылез из древней сказки и готов выполнять любую просьбу, попутно сокрушив огнедышащего дракона и переломав пару гектаров реликтового леса.

– Есть один тип, он задержан, сидит у нас в «Лефортово». Мне позарез нужны связи этого парня во Владикавказе до его отъезда в Турцию. Одноклассники, соседи, друзья по интересам – спорт…

– Шашки, сбор марок в промышленных масштабах… – ернически подхватил Славка. – Все это без сверхусилий могут узнать и ваши люди. Я тебе на кой сдался?

– Не ты, а ментовские информаторы. Чем шире мы раскинем сеть, тем быстрее выловим необходимое. Он наверняка поддерживал связь с кем-то во Владикавказе из прежних дружков. Звонил, переписывался и так далее, и тому подобное. Этот парень не мог не иметь кого-то, кому доверял самое сокровенное, и это явно не родственники и, может, даже и не школьные друзья, и не институтские. Кто-то из новых приятелей.

Богданов подергал себя за кончик носа, задумавшись.

– У меня есть дела в том районе, самому, что ли, прошвырнуться во Владик в командировку? К тому же там Сеня Костюченко. Помнишь его? Он, правда, был не в моем отделении… Но когда ты лазил по Грозному со своей следовательской папочкой под мышкой, он тоже таскался с тобой пару раз, охранял. Здоровяк такой, с оспинами на лице.

– Смутно, – пожал плечами Олег. – Но надеюсь, твой Сеня оброс там связями? Он давно на Кавказе?

– Он оброс бородой, – хрюкнул Богданов, подавившись смешком. – Выглядит как абрек.

– И ведет партизанско-разбойничий образ жизни? – пошутил Ермилов и, увидев недоумение на лице Вячеслава, добавил: – Я к тому, что он абрек. Ну ладно, шутки шутками, а мне необходимо получить результат как можно быстрее.

– Если я буду понимать, в чем соль, это упростит задачу. Он ведь сидит уже, зачем на него компромат? – Богданов толкнул дверь в раздевалку и бросил сумку на низкую скамью, открыл свой шкафчик и поглядел на друга поверх дверцы.

– Он получит срок в любом случае. Просто сейчас парень отпирается от участия в НВФ[2 - НВФ – незаконное вооруженное формирование.]. Следователь докажет, что он был в Сирии, это не вопрос. И что готовился к террористической деятельности, возможно. Однако он там воевал, а не только обучался, на его руках кровь сирийцев. Такие люди, как правило, хвастуны. Надо найти, кому он изливал душу, и заставить их говорить. Нет-нет, вряд ли закадычные друзья. Наслаждение от слушателей получаешь тогда, когда они тебе завидуют или сопереживают. В любом случае его слушатели – потенциальные террористы. Но

для нас интереснее завистники – они с охотой дадут показания, которыми я его припру и взамен получу информацию.

– Хоть кого-нибудь найти бы… И не забывай про менталитет гордого кавказского народа – своих не выдают.

* * *

После тенниса хотелось спать, но Ермилов поехал обратно на Лубянку, таращась сонными глазами на дорогу, а чаще на стоп-сигналы едущей впереди машины. Спасало от сонливости радио, которое бравурно сообщало о пробках и о том, что снова будет дождь и еще больше похолодает.

Неуловимое московское лето в сером дождевом плаще пронеслось по городу, деловое, надменное, оставляя мокрые следы на асфальте…

К вечеру скапливалась информация от сотрудников отдела. Те, кто выезжал в течение дня по делам, возвращались и докладывали. К тому же Олега тревожило, как Плотников отреагирует на его инициативу с особым поручением Богданову.

Генерал наградил Ермилова отрешенным взглядом поверх очков, когда тот заглянул к нему в кабинет. В стеклах очков отражался свет настольной лампы зеленоватым блеском и ожидающий решения Ермилов с встрепанными после душа и уже высохшими волосами.

– С Евкоевым глухо? – уточнил Плотников.

– Как он может откровенничать про англичанина, если не признает сам факт того, что был в Сирии?

– Хочешь с ним поторговаться? Англичанин взамен смягчения судебного решения? За содействие следствию и все в таком духе? Ладно, – Плотников отпил из большой фарфоровой кружки чай.

Олег смотрел на параллельно лежащие на столе справа от шефа карандаши, вспомнив, что параллельные прямые лежат в одной плоскости и не

пересекаются. «Евкоев видел англичанина на Ближнем Востоке. Теперь Евкоев здесь, и мы можем общаться с ним, однако это пока не значит, что я могу узнать от него что-то об англичанине и что Рашид станет связующим звеном. Вот тебе и параллельные прямые!»

– Ты действуешь по трем направлениям. Первое – поручение Богданову. Второе – подключи к делу Григорьева, пусть напряжет наших коллег в североосетинском ФСБ. А третье – это по части следственной работы. Миронов опросит задержанных игиловцев – фигурантов по другим делам. Ты же ему посоветовал это сделать? Ну а как тебе показался Евкоев?

– Такой глотку зубами перегрызет. Он упорный, неглупый, грамотно просчитывает ситуацию. Не особо его пугает то, что происходит. Словно бы его готовили к такому развитию событий. Мне кажется, из Рашидика лепили не простого боевика. Руководителя. Он, как Абу-Бакр аль-Багдади, начнет вербовать сторонников на зоне.

– Это ты махнул. Он не Абу-Бакр. Но, согласен, не мелкая сошка. Засадить бы его лет эдак на …адцать, – Плотников с недовольством покосился на Олега, – но с твоими наполеоновскими планами от срока останется один пшик. Лет шесть.

– Надо чтобы и планы еще реализовались. Вам же понадобился этот англичанин.

Плотников помолчал, что-то прикидывая, и, постучав костяшками пальцев по листку той самой справки, копия которой находилась у Ермилова, сказал:

– Англичанин светился и раньше. Из других источников было известно, что он появляется то тут, то там на позициях игиловцев, в их учебных лагерях. До нас долетало эхо его перемещений. Но никаких деталей. А тут вдруг к нам в руки попал человек, который не только его мельком видел, но и сопровождал. Знает приметы, мог слышать обрывки его разговоров с руководством учебного центра.

– Англичанин из МИ6?

– Вероятнее всего. Но для кадрового разведчика действует слишком топорно, раз уж от его телодвижений такие круги по воде пошли.

– То, что я уловил из справки, так сказать, между строк, – это не топорная работа, а типичная для англичан наглость.

– Этого у них не отнимешь, но их профессиональные разведчики действуют все же тише. Когда я был в Лондоне… – Плотников бросил быстрый взгляд на Ермилова и осекся. – Впрочем, это к делу не относится. Мне тут вдогонку сообщили еще кое-что про англичанина. Приезжал он на машине с эмблемой «Белых касок». Даже если это совпадение… – генерал пожал плечами. – Я уже давно перестал верить в совпадения. Чем немыслимее совпадение, тем железобетоннее закономерность, которая привела к подобному «совпадению». Правда, выясняется это не сразу, порой спустя годы. А поначалу кажется почти чудом, божественным провидением.

Ермилов с любопытством посмотрел на шефа. Шутит тот или углубился в свои персональные переживания и философствования? «О своем, о девичьем»…

– Ну в общем, связь Ле Мезюрье с английской разведкой и раньше не вызывала сомнений… – Олег достал из кармана блокнотик и по привычке стал рисовать там геометрические узоры. Он считал, что это способствует умственной деятельности, хотя ехидная Люська утверждала, что рисование каракулей на салфетках – это признак невроза.

– Ле Мезюрье? – переспросил Плотников, словно пробовал фамилию на вкус. – А ну да. Организатор этой банды в касках. Отставник британской разведки.

– Он организовал ее в Стамбуле. Там всегда гужевались английские шпионы в большом количестве, и Джеймс – не исключение. Но не по своей же инициативе он занялся «гуманитарной» деятельностью. Проснулся утречком рано от криков чаек и муэдзинов под окном дорогого отеля с панорамными окнами, поглядел на Босфор в дымке, почесал пузо и его осенило.

Плотников кивнул с кислой улыбкой. Он с самого начала понял, что переданная в ДВКР справка потянет за собой нечто неудобоваримое, сложное для исполнения, требующее ермиловской недюжинной настырности, дотошности и его энциклопедических знаний.

* * *

Рыжая, как мать, Наташка со светло-серыми отцовскими глазами – та еще штучка. Разбила пластинку и спряталась в детской за аквариумом, опасаясь справедливого гнева пришедшего с работы отца. Ермилов – большой любитель виниловых пластинок. Над уцелевшей коллекцией еще советских дисков он, «как Кощей, над златом чах». Особенно оберегал любимого Высоцкого.

Но по поводу Наташкиного бесчинства Олег только вздохнул, собрал осколки пластинки в совок и понес выбрасывать на кухню, где в предвкушении домашней разборки сидел Петька, уплетая гречку с мясом.

Он для всех оставался Петькой, хотя ему было под тридцать. Петр защитился по детской кардиологии и работал в Морозовской больнице. Завалил полку на кухне, где любил сидеть вечерами под бубнеж телевизора, книгами по медицине – «Анатомия дыхательной системы и сердца», «Заболевания сердца у новорожденных и детей раннего возраста», «Детская кардиоревматология»…

Олег Константинович ворчал, что обедать, глядя на корешки подобных книг, вредно для пищеварения. Однако на аппетит Петра названия книг не влияли, он у него всегда оставался отменным.

Скептически усмехнувшись, Петька указал вилкой на черные осколки пластинки и заметил:

– Все этой свиристелке Наташке с рук сходит. Меня за разбитую пластинку ты наверняка бы выпорол. Кстати, если мне не изменяет память, так и было однажды…

– Тоскуешь по прежним временам? – охладил его Олег. – Женился бы ты, что ли, – он решил спустить пар на сына. – Бери пример с Васьки, – Олег говорил о своем втором сыне. – Того и гляди, дедом меня сделает. А ты все ворчишь, соревнуешься с одиннадцатилетней девчонкой так, словно тебе самому лет десять.

– Ты меня из дома гонишь? – нахмурился Петька.

– Сиди уж! – отмахнулся Ермилов, испытывая жалость к сыну.

Петр и Васька – ровесники, двойняшки. Но Васька, никогда не отличавшийся бойкостью, довольно наивный и добрый парень, быстро создал собственную семью. Пошел по стопам родителей, окончил юридический и работает юристом в крупной компании, купил квартиру, путешествует со своей Леной по миру, привозит сувениры, которые занимают уже целый стеллаж у родителей в коридоре.

Петька же, разгильдяй и хулиган, в натуре которого ничего для Олега не предвещало склонности к научной деятельности, в последних классах школы вдруг взялся за ум и теперь уже собирался защищать докторскую. Однако наука поглотила его настолько, что он стал вести замкнутый и почти аскетичный образ жизни. Помогал родителям с Наташкой, когда не дежурил в больнице, делал с ней уроки, ездил с семьей на дачу.

Олег удовольствовался остывшей гречкой с мясом и заперся в спальне. Ревниво поглядывая на настенные часы, подаренные ему бывшим шефом из английского отдела, Ермилов думал, что Люська слишком уж усердствует в своей адвокатской конторе.

Мысли, как нарочно, пошли в нелицеприятное для жены русло. Воображение рисовало состоятельного клиента Люськи в шикарном костюме с кожаным итальянским портфелем и золотой перьевой ручкой, колпачок которой выглядывает над краем кармана. Он обязательно обольстится ее зелеными глазами и рыжими волосами, бледной мраморной кожей…

Ермилов включил телевизор, стараясь отвлечься от непрошеных мыслей, и наткнулся на актуальную тему, которую муссировали несколько «политологов». Про себя Олег, посмеиваясь, считал этих «экспертов» новой усовершенствованной моделью бабок на лавочке у подъезда. Они, бабки, смогли бы подсветить любую проблему не хуже модных нынче политологов.

В дискуссии упоминали про химические атаки в Сирии, якобы произошедшие нынешней весной – 24, 25 и 30 марта. Про бомбардировку рядом с Эль-Латамной (провинция Хама) боеприпасами с зарином и хлором. Никто не погиб, но семьдесят человек пострадали. Сообщили об инцидентах «Белые каски». Через неделю госсекретарь Рекс Тиллерсон обвинил Россию, что она не контролирует Сирию в вопросах химоружия.

Все было разыграно как по нотам – фальшивые отравления, выступления активистов «Белых касок» с обвинениями сирийских правительственных войск, затем заявления официальных представителей американских властей. Тривиально, даже примитивно, однако подходяще для воздействия на среднестатистическую общественность.

По такой же схеме американцы действовали и в апреле. Сначала 4 апреля в Хан-Шейхуне в Идлибе был нанесен удар авиабомбами с зарином по позициям «Хайат Тахрир аш-Шам». Погибло семьдесят четыре человека, более пятисот пострадали. По всем мировым каналам снова показывали инсценированные «Белыми касками» сюжеты про то, как они отмывают несчастных пострадавших водой от химоружия, не используя костюмы химзащиты и противогазы.

По мнению российских военных специалистов, отравление было, а произошло это потому, что сирийская авиация разбомбила склад террористов с химическим оружием. Но эту версию не приняли во внимание, и 7 апреля американцы сбросили пятьдесят девять ракет на авиабазу «Эш-Шайрат».

Правда, ракеты в большинстве своем заблудились по пути и не долетели до цели. Десяток солдат, раненных осколками, шесть разбомбленных МиГ-23 и девять ангаров. Все. Запугивали? Или вовсе не умеют воевать?

«Чингачгук – зоркий глаз, – подумал Олег с невеселым сарказмом. – Все понятно – чингачгуков они перебили, вьетнамцев выжгли напалмом, Ирак повергли в хаос… Арабы у них вообще вызывают особенную неприязнь, видимо, из-за теплых взаимоотношений с Израилем… Парадокс или закономерность? Многонациональное государство, куда съезжались бродяги, искатели приключений, беглые уголовники из Европы и Азии, оказалось самым нацистским на поверку. Они отсепарировали всех чужих по принципу «не американец». Хотя и в самом «режиме США» существует внутренний враг – чернокожие, «афроамериканцы». Вот лицемерие – не называть негров неграми, зато относиться к ним как к тем самым неграм, которых везли в кандалах через Атлантику, – не услышали афроамериканцы окрик надзирателя-полицейского, пристрелить, и дело с концом».

Ермилов рисовал в блокноте одному ему понятные схемы и почти не смотрел на экран телевизора, но краем уха слышал разгоравшуюся в студии дискуссию о том, как России поступить с обвинениями в ее адрес, дескать, не контролирует она своего прикормленного Асада.

«Им лучше было бы как с Саддамом Хусейном, когда Россия вынужденно пустила все на самотек! – вздохнул Ермилов, постукивая себя по виску блокнотом. – Самотек – это главное слово, которое характеризует наше житье-бытье девяностых. После начала нового тысячелетия стали пытаться приостановить эту инерцию хаоса, нащупать поводья, которые упустили, и они мотались во все стороны, попадали под колеса несущейся в галопе и в неизвестном направлении нашей страны».

Март, апрель… Ситуацию с химоружием целенаправленно взвинчивали, повышали градус напряженности, обвиняя Асада во всех смертных грехах. И продолжают поддавливать в том же направлении.

Олег выключил телевизор, снова взглянув на часы, и взялся за блокнот. Стал рисовать каракули, вернувшись мыслями к справке.

Основное во всей этой истории, что касается непосредственно работы военной контрразведки, и в частности задачи Ермилова, – пресечь утечку военных секретов – информацию о планировании спецопераций российскими ВКС на территории Сирии.

Когда еще только начинались события в Сирии, Олег с довольно утилитарным интересом собирал кое-какие материалы по ближневосточному вопросу. Он и тогда, и сейчас смотрел на ситуацию под определенным углом. Не столько терроризм его волновал как таковой, сколько последствия этой беды, плоды которой Олег пожинал.

Он позвонил Григорьеву с городского:

– Вадим, ты недавно контактировал с кем-то из Управления по борьбе с терроризмом. Ты еще нахваливал этого человека…

– Ну, – сонно откликнулся Вадим, припоминая. Он наверняка уже задремал у телевизора под шорох газеты, которой укрылся, как пледом. – А, – вспомнил он, но по выработавшейся привычке не называть фамилии по телефону и теперь воздержался, – сведущий парень.

– Парень? – поморщился Ермилов. Он испытывал предубеждение к молодым сотрудникам, считая, что нынче учить не умеют во всех высших заведениях. Да и молодые слишком легкомысленные, полагаются на технику, не владеют навыками работы с большим количеством документов и информацией, во всяком случае, не впитывают ее как губка и не умеют оперировать тем, что у них на руках.

– Ему сорок пять, что ли, – Вадим усмехнулся каким-то своим мыслям. – Он своеобразный. Ты с ним хотел по этой справке обсудить? Я уже вспоминал о нем. Он в доме-два, пожалуй, единственный на данный момент, кто так погружен в тему.

– Они разве у нас сидят? – уточнил Ермилов, имея в виду сотрудников Управления. – Организуй мне завтра с ним встречу.

– Если он в Москве, – Вадим посопел в трубку, видимо, записывая в ежедневник указания Олега.

Ермилов услышал женский голос, выговаривавший что-то Вадиму. Олег невольно представил жену Григорьева – красавицу, бывшую спортсменку, гимнастку, старого черного кота, который любил ложиться на тапочки гостям, и трех дочерей Вадима. Олег знал, что его заместитель уже несколько лет страдает при мысли о том, что они выйдут замуж.

Олег быстро свернул разговор, услышав, что вернулась Люська.

– Ермилов, что ты разлегся? – она заглянула в спальню. Стройная, в бордовом деловом костюме. Свежая, в облаке сладких духов и неиссякаемого энтузиазма. – В гости идем.

– Куда еще на ночь глядя?

– Может, изволите подать вам ночной колпак и ночную вазу? – смерила его возмущенным взглядом Люська.

– Omnia mea mecum porto[3 - Omnia mea mecum porto (лат.) – все мое ношу с собой.].

– О, Ермилов еще что-то помнит из латыни. Не все потеряно, – источала яд Люська. Ну, не может она придержать язык, хоть из жалости к его преклонному возрасту. Шестой десяток разменял все-таки. Олег вспомнил, что они с Коротковой ровесники и осознал, что снисхождения от нее ждать не приходится. Она полна энергии и пышет здоровьем. – Так что бери свой колпак и горшок и воздвигнись с дивана! Игореша с Мананой шашлык в духовке сварганили.

Она лет семь назад оказывала адвокатскую помощь археологам, у которых на раскопках в Турции, в Гёбекли-Тепе, изъяли дорогостоящие приборы и инструменты под предлогом, что они хотели увезти в Россию найденные ценности, принадлежащие Турции.

Там и в самом деле украли стелу с изображением получеловека-полуживотного. Но тощий очкарик Игорь Джейранашвили с густой каштановой шевелюрой, зачесанной назад, сутулый и тщедушный, настаивал, что стелу он и поднять бы не смог, а не то что похитить.

Люська отвоевала археологические инструменты у турок и отстояла честь наших ученых. А в результате подружилась и с Игорем, и с его женой Мананой. Как позже выяснилось, Игорь взял фамилию жены, посчитав свою неблагозвучной.

Ермиловы частенько ходили к ним в гости, и Олег делал это не без удовольствия. Игорь намного моложе Ермилова и напоминал ему студентов его советской молодости, которые в синих спортивных костюмах и белых однотипных футболках с зелеными брезентовыми рюкзаками за плечами ходили в походы и горланили песни у костра.

Олег тоже ходил пару раз, когда пытался ухаживать за Люськой. А она была девицей спортивной, активной, и приходилось соответствовать. От ледяной воды в реке, по которой они сплавлялись на байдарках и в которой Олег искупался не по своей воле, его разбил банальный радикулит.

После чего Людмила Короткова героически осталась с ним в какой-то дикой деревушке рядом с порожистой рекой. Лечила его, не рассчитывая на романтические приключения, потому что хватало приключений медицинских и Олег едва мог двигаться.

Из той деревушки они вернулись оба задумчивыми, словно оказались посвященными в общую тайну. Они запомнили темные старинные срубы этого селения, особенно в вечерние часы, когда небольшие окошки розовели от закатного солнца, а трава под забором узкого двора в россыпях росы источала терпкий пряный запах середины лета, а воздух, свежий и сырой, пронизывал ввинчивающийся стрекот кузнечиков. Птицы кружили высоко, среди пухлых, по-цыплячьи желтых облаков, и выглядели то черными, то становились светящимися серебряными точками, попадая в солнечные лучи там, высоко над землей…

Может, то, что Игорь своим видом ассоциативно будил в Ермилове давно припрятанные в уголке души воспоминания, и притягивало его к семье Джейранашвили, но в большей степени и то, что книжный червь и археолог в одном лице обладал энциклопедическими знаниями и мог часами рассказывать о раскопках и потрясающих находках, сделанных им и его группой не только в Турции, но и в других странах и на Родине. Поэтому, как ни устал Ермилов, он таки воздвигнулся с дивана и даже побрился перед походом в гости, так как к вечеру уже изрядно оброс седоватой щетиной, которая его заметно старила.

В этот раз Игорь, увлеченно поедая шашлык и скаля белоснежные зубы, контрастировавшие с обветренным смуглым лицом, поведал в деталях о процессе мумификации в Египте. О том, какие органы складывали в конопы, как их консервировали и все в таком духе, не замечая, что у Ермиловых это напрочь отбило аппетит.

* * *

– Ты, Ермилов, стал стареть, – Вадим поджидал Олега в коридоре у его кабинета, постукивая себя по бедру свернутой газетой. – Вчера выразил сомнение по поводу Горюнова. Это мы с тобой выходим в тираж помаленьку. А такие, как он, только набирают обороты.

– Я всегда и все ставлю под сомнение. На том и стою, – Ермилов достал ключи и отпирал дверь, но, спохватившись, обернулся и спросил: – Какой Горюнов? Ты о чем вообще?

– Из Управления по борьбе с терроризмом. Говорю же, дряхлеешь, Олег Константинович. Он через полчаса к тебе заглянет. Только не слишком

удивляйся. Он парень своеобразный – и внешне, и по характеру. Из «погорельцев». Мы с ним два года назад по Юрасову работали, предателю из военной разведки.

– В семье не без урода, – пожал плечами Олег, вспомнив, что Юрасова ликвидировали пограничники при его попытке с боем перейти государственную границу.

Олег зашел в кабинет, бросил портфель под стол, как нерадивый школьник, и устремился к окну. Открыл пошире, едва не сбив на пол электрочайник.

– И что в нем странного? В Горюнове.

– Поймешь, когда увидишь, – подмигнул Вадим. – Ему бы платок на голову, на верблюда и в пустыню. А он тут, бедный, мается в нашем переменчивом климате.

Через полчаса, когда Вадим, перенявший от своего кота вкрадчивую походку, мягко ступая по ковру, ушел, отчитавшись по другим делам, в дверь решительно постучали.

Олег и сам не знал, что он, собственно, хочет услышать от Горюнова и станет ли тот откровенничать. Но поскольку Евкоев-то уж точно не разоткровенничается без пинка, придется пока просто вникать в тему «Ближний Восток».

В кабинет зашел мужчина в бежевом костюме спортивного покроя, который оттенял его смуглую кожу и выгодно подчеркивал худощавую жилистую фигуру.

Голубые глубоко посаженные глаза казались добродушными, но Олегу от этого рентгеновского взгляда стало не по себе.

Ермилов знал, что они в одном звании, но испытал давно забытое чувство, когда был новичком в ФСБ и все норовили ему напомнить, что он бывший прокурорский работник, не кадровый офицер и взяли его сюда в виде большого исключения.

Нет, Горюнов не смотрел на Олега свысока. Он явно не претендовал на роль бывалого контрразведчика, тем более сам перевелся сюда только два года назад из СВР. Вообще меньше всего Петр походил на оперативника службы госбезопасности. Его можно принять за сотрудника НИИ и одновременно торговца с восточного базара. Разве что костюм слишком хорош для торговца.

Ермилов бы удивился, узнай, что Петр Горюнов много лет работал парикмахером в багдадской цирюльне. (Горюнов и теперь еще машинально замечал, хорошо ли собеседник подстрижен и побрит, посмеиваясь над собой.) И некоторое время он работал в стамбульском порту докером-механизатором.

– Вадим просил к вам зайти, – Горюнов протянул руку. Его теплая сухая ладонь продемонстрировала крепкую нервную систему своего хозяина. Он потоптался, тронул спинку стула, и, когда Олег взмахом руки предложил ему сесть, Петр устроился довольно раскованно. – Мы с вашим замом неплохо общались года два назад. Правда, обстоятельства, которые нас свели, для меня были не слишком приятными – Юрасов мой однокашник по ВИИЯ.

Говорил он с заметным арабским акцентом.

– Вот как, – не слишком удивился Олег. Он помнил обстоятельства того дела. – Петр…

– Просто Петр и можно на ты, – взмахнул рукой Горюнов.

– Ты не просветишь меня по поводу «Белых касок»? Ты же бывал в Сирии.

Горюнов чуть приподнял бровь и улыбнулся:

– Я лично с ними не сталкивался. – Он достал пачку турецких сигарет и жалобно взглянул на Олега.

– На преступление толкаешь, – Ермилов достал из ящика стола пепельницу и указал на окно: – Там кури и пошире открой.

Вадим недооценил Олега. Тот был осведомлен о личности Горюнова. Стал наводить о нем справки сразу же, как только узнал, что придется заниматься

игиловцем Евкоевым, а через него разрабатывать разведчика или агента МИ6, действующего в Сирии. Знал и о том, что полковник Горюнов – офицер нелегальной разведки. Он не просто «бывал в Сирии», а внедрялся в ИГИЛ с целью добыть сведения о воюющих в бандах черного халифата гражданах из бывших союзных республик. Знал и о пристрастии к сигаретам, которое Горюнов приобрел, работая под прикрытием много лет в Ираке, и от которого безуспешно пытается избавиться.

– Зачем они тебе здесь понадобились? – Петр присел на подоконник так, что свет из окна не позволял Ермилову разглядеть его лицо. – Ладно, не суть. Лично я с «белокасочниками» не сталкивался. Был там в паре военных учебных лагерей. Сначала и сам в качестве новобранца, – он хмыкнул. – Затем повоевал во славу Аллаха.

Олега поразило спокойствие Горюнова. Петр явно вкладывал в слова больше эмоций, чем отражалось в его голосе и интонациях. Словно говорит вовсе не переживший эти события человек, а кто-то зачитывает текст, не вникая в суть написанного. Хотелось заглянуть под стол и отыскать того, кто говорит на самом деле за Петра.

– И как? Медаль дали? – спросил Ермилов, и ямочка появилась на его щеке, хотя он сдерживал улыбку.

– А мне говорили, что ты зануда, – не остался в долгу Петр, прикуривая от окурка новую сигарету, игнорируя возмущенный взгляд хозяина кабинета. – Как погляжу, все не так уж плохо. Даже иронизируешь… Дали мне там перца, еле ноги унес, а здесь пришлось согласиться на орден, – скромно добавил он. – Так вот, в основном я обретался в Эр-Ракке, изредка совершал вылазки в разные населенные пункты, где боевики обороняли свои позиции от правительственных войск. Я сейчас все это говорю, – Горюнов потер гладко выбритый подбородок, – а сам пытаюсь разогнать свой истощенный никотином мозг и вспомнить, кто мне говорил про эти «Белые каски».

– Может, чаю или кофе? – предложил Олег угоднически, втайне надеясь, что древний напиток отвлечет Петра от пачки с сигаретами, от которой тот и не собирался отрываться.

– Кофе, и покрепче, – кивнул Петр, отставив пепельницу. – «Всякий сброд оседлал коней, потому и мир идет прахом», – вдруг выдал он странную сентенцию в спину Олегу, возившемуся с кофе-машиной.

– Не понял, – поглядел он через плечо. – Кто это сброд?

– В том числе и «Белые каски», и те, кто за ними стоит. Так говорил Аббас. А уж он-то знал. Это его земля, хоть она и не существует де-юре. «И мир идет прахом», – задумчиво повторил он.

– Ты про курдов? – догадался Ермилов, силясь понять, как связь с курдами не помешала Горюнову быть в ИГИЛ. Он тряхнул головой, приходя к выводу, что ему и не надо этого знать, и мысленно соглашаясь с Вадимом – Горюнов в самом деле может вызвать удивление.

– Не будем удаляться от темы, – Петр взял чашку, протянутую Олегом. – Непосредственно с представителями этой организации я не сталкивался, хотя слышал, что они появляются в критические для игиловцев моменты и помогают избежать окружения или уничтожения. И особенный интерес у них к использованию химоружия. Так вышло, что мне пришлось иметь некоторое отношение к химоружию. Однако в моем случае речь не о «Белых касках». Там и без них хватает охотников взбаламутить воду, увязав действия Асада с химией. На них Химического Али нет – дяди Хусейна. Да и Саддама-сайида, как называет его мой приятель, на них бы тоже напустить. Он бы и в самом деле долбанул по ним хлором или зарином, да и дело с концом.

– Ты приверженец Саддама?

– Я сам жил при Саддаме в Ираке и дружу с его большим поклонником и бывшим личным охранником. Кстати, он одно время служил в ССБ и в Мухабарате, твой коллега – военный контрразведчик. И чертовски похож на своего кумира.

У Олега на языке вертелось множество вопросов, которые так и подмывало задать, но спросил он о другом:

– Как кофе, помог вспомнить, что там тебе этот Аббас про «белокасочников» рассказывал? Он с ними как-то контактировал?

Горюнов снова взялся за сигареты, и Ермилову показалось, что у Петра лукавое выражение лица.

– Сдается мне, Олег, что та справочка, что я на днях подготовил и передал в ваш Департамент, попала именно в твои руки. Впрочем, я надеялся на такой расклад. О твоей дотошности ходят легенды, которые и до меня уже дошли.

Они переглянулись и рассмеялись.

– Когда мне утром позвонил твой зам, я сразу подумал о Евкоеве, но ты начал ходить вокруг да около. Ну, думаю, в эту игру мы тоже умеем играть, – он взглянул на часы, – только времени у меня кот наплакал.

– Я человек скромный, – опустил хитрые глаза Ермилов. – Чего же сразу в лоб все свои озабоченности выкладывать.

– «Стыдливый не достигнет желаемого», – наставительно сказал Петр, с хрустом ломая окурок в пепельнице и отрываясь от подоконника, к которому словно прирос за время разговора. Он там же и кофе пил. Оставил чашку на подоконнике. – Курдская народная мудрость. Что, Евкоев пошел в несознанку? Этого следовало ожидать. Я бы и сам занимался этим англичанином, но профиль твой, к тому же мне и без англичан хватает забот. Завтра улетаю в Узбекистан на пару дней. – И пробормотал с усмешкой: – На этот раз легально.

– Ну если вспомнишь детали или тебе твое руководство выдаст санкции на откровенность, звони, – суховато заметил Ермилов.

Петр посмотрел на него долгим взглядом, покусал губы, то ли размышляя, то ли борясь со смехом. Он протянул руку, прощаясь, и заметил:

– Еще бы ты уточнил, какое именно руководство – нынешнее или предыдущее.

– А это актуально? Ну да ладно. Интересно, а источник твой не тот ли самый поклонник Саддама?

– На что ты обижаешься? – удивился Петр. – Еще скажи: «не буду ни хлеб твой есть, ни на волах твоих пахать». Ты же знаешь все наши служебные условности.

Терпение, мой друг. Мне эту информацию сбросили с барского, эсвээровского, плеча по старой памяти. Крохи. Из них удалось выжать то, что я передал в ваш Департамент. Я занимаюсь сейчас другими делами, но и это дельце в своих думах не оставляю.

Ермилов несколько секунд смотрел на дверь, за которой скрылся Горюнов, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

– Григорьев – чертов психолог! – пробормотал Олег, осознав, что Петр вызвал одновременно и симпатию, и неприязнь. Причем первое парадоксально перевешивало.

Но разбираться в своих чувствах ему было некогда. Словно прорвавшись сквозь незримую преграду, зазвонили сразу три телефона. Внутренний, городской и мобильный… Обрушились повседневные дела и авралы, когда вдруг начинала появляться информация, долгожданная, но которая, как всегда это бывает, сваливалась как снег на голову, и надо было принимать стремительные решения. Ермилов же любил все хорошенько обдумать, так же тщательно и с не меньшим смаком, как его пес Мартин обсасывал куриные косточки. Собакам нельзя их давать: птичьи кости – трубчатые и, ломаясь на острые осколки, ранят пищевод. Но уж если Мартин достанет какую завалящую кость (из компостной ямы на даче или из веснушчатой руки непослушной Наташки), он наслаждается где-нибудь в уединенном месте, смакуя и вылизывая добычу. В былые щенячьи времена он бы расправился с ней сразу – быстро заметал следы преступления. Но возраст, мудрость и слабые зубы давали о себе знать.

Олег считал, что эта привычка «обсасывать» ситуацию со всех сторон и прогнозировать, предвидеть последствия от принятия решения, появилась у него не оттого, что ослабли зубы и хватка, а от пришедшей с возрастом мудрости. Еще с института Ермилова держали за тугодума, что, однако, не помешало ему стать старшим следователем Генпрокуратуры РФ по особо важным делам, а теперь начальником отдела в ДВКР.

В течение дня мысли об утренней странноватой встрече с Горюновым отошли на второй план. Но что-то тревожило, маячило на краешке сознания. Поскольку не успевал пообедать где-нибудь в городе, он перекусил в столовой, усевшись за столик так, что видел в открытую дверь лестницу, поглядывал туда непроизвольно, словно ждал кого-то или чего-то, сам не отдавая себе отчет в этом. Наверное, из-за недосказанности в разговоре с Горюновым.

Уже вечером, когда в кабинете стало довольно темно (окна выходили на теневую сторону), Олег зажег верхний свет и, усевшись на диван, на котором приходилось ночевать частенько, подумал, что неплохо бы уже выдвинуться домой.

«Химический Али, Химический Али, – повторял он про себя услышанное от Горюнова. – Как же его звали? Али Хасан аль-Маджид. При чем здесь дядя Саддама Хусейна, который усердствовал во время операции «Анфаль», когда потравили химическим оружием курдов? Это было в 1987 и в 1988 годах. Давненько это произошло. Кровожадный, однако, Горюнов. Но если сыплет курдскими поговорками, он знает этих ребят не понаслышке. Хотя все же странные у него ассоциации».

Олег переместился за письменный стол и, «разбудив» компьютер движением мышки, стал искать в интернете, когда была первая химическая атака в Сирии, реальная или имитированная «Белыми касками».

В интернете порой ему удавалось найти то, что и в открытом доступе-то не должно было находиться. Но косвенные упоминания тех или иных событий, намеки, ссылки одной статьи на другую, а главное, умение легко ориентироваться в огромном потоке информации позволяли ему отыскать нужное без запросов в архив, тем паче интересующие его факты иногда не находились в их архиве и требовалось дополнительное время и санкции.

Ермилов не любил доверять чужому субъективному опыту, если не чувствовал в нем правду или опыт этот не был созвучен его внутренним ощущениям. В случае с Горюновым Ермилов осознавал, что Петр многое знает, но не торопится делиться, и злился, не владея тем же объемом информации.

– Тринадцатый год, – прочел он строки на мониторе компьютера. Дальше читал сосредоточенно, нацепив очки.

«Инициировала расследование в ООН Франция, – размышлял Олег, вчитываясь. – Ну понятно, Сирия их бывшая колония. Два случая якобы химатаки. В провинциях Идлиб и Хомс, в октябре и декабре 2012 года соответственно. А письма в ООН французы отправили только в марте 2013 года. Ясное дело, когда уже не осталось следов – прекурсоров[4 - Прекурсор (лат. – предшественник) – вещество, участвующее в реакции, приводящей к образованию целевого

вещества.] отравляющего вещества. ООН не подтвердило атаки. А в декабре 2013 года ООН сообщала уже о шестнадцати случаях применения химоружия, только семь подтвердились. Стало быть, пошло по нарастающей».

Ермилов вздохнул и поднял трубку внутреннего телефона:

– Вадим, зайди, пожалуйста.

Олег весь день избегал обсуждений утреннего визита Горюнова со своим замом, ожидая колких реплик. Григорьев только внешне вечно сонный, с волооким взглядом, а на язык бывает несдержан. Принципиальный правдоруб.

– Если ты по поводу Сергеева, то я еще не подготовил отчет. Мне кажется, он перестраховывается, ему охота выслужиться – молодой, активный, стремится попасть в центральный аппарат. Они там в НИИ чихнут, а он будет писать целый роман, что этот чих – кодированное сообщение для цэрэушников. Перестраховщик. Но проверить придется, куда там этот младший научный сотрудник ходил. Небось налево.

Ермилов не был склонен так уж сомневаться в компетентности капитана Сергеева. Он по своему опыту считал, что лучше перестраховаться, чем потом, лет через двадцать, узнавать, как такой же, как генерал Поляков, все эти годы торговал Родиной у тебя под носом.

– Два раза сходит налево, усыпит нашу бдительность, а на третий пойдет на закладку тайника или личный контакт, скажем, с мистером Маккормаком.

Григорьев покосился на Олега с подозрением и кивнул. Чутью Ермилова он доверял.

– Что ты знаешь о Горюнове? Не поверю, что, когда ты с ним контактировал, не провел разведку. Кто он, что он? Эта справка о Евкоеве пришла к нам от него. Хотелось бы понимать, насколько серьезно стоит воспринимать содержимое справки? Личность ее составителя многое скажет.

– Ты знал об этом, когда попросил договориться о встрече с Горюновым? – вытянулось лицо у Вадима. Он увидел, как Олег покачал головой. – Ничего себе

совпаденьице! Ну да, узнавал. Он возглавляет отдельное направление, спец по Ближнему Востоку, полиглот.

– А почему он все время сыплет курдскими поговорками? – Ермилов слушал заинтересованно.

– Бывает, и арабскими, – Вадим, очевидно, не поверил в истинность мотива, обозначенного Ермиловым. – Насколько мне известно, у него сын – курд, – Григорьев изобразил на лице многозначительность. – Наполовину курд. Вообще, у него трое детей.

– Плодовитый, однако, – Олег подергал узел галстука, подумав: «Чья бы корова мычала». – Это что же, он ребенка прижил на нелегальной службе? У них же подобные штучки запрещены.

– Штучки? – с улыбкой переспросил Вадим. – Я бы сказал: «штучки» не приветствуются. Но из песни слов не выкинешь. У них в Управлении о нем легенды ходят. И ему, по-видимому, можно. Мне его зам поведал, Зоров, но ты уж не распространяйся.

– Излишне напоминать, – сухо прокомментировал Ермилов. – И что же, он жену привез в Россию?

– Нет, – Вадима явно распирало от собранных сплетен, но Григорьев сдерживался. – Он на русской женат. А сына с собой сюда привез. Сложная у него жизнь.

– У меня создалось ощущение, что у него выхватили из клювика это дело с англичанином, а он и сам был не прочь заняться. И теперь будет пытаться поучаствовать.

– Так ты же сам его позвал, хотел проконсультироваться, – пожал плечами Вадим. – Я думаю, у него скорее спортивный азарт. Он такой человек – не может сидеть без дела.

– Ладно, поживем – увидим, – Олег взял трубку зазвонившего телефона внутренней связи. И тут же поднял руку в останавливающем жесте – Вадим

собирался уйти. – А ты легок на помин.

– Надеюсь, добрым словом поминали? – по телефону голос Горюнова звучал особенно насмешливо.

«Если не представлять его почти безэмоциональное, иссушенное солнцем и нервотрепкой лицо, то вполне себе нормальный парень, – подумал Олег. – Да что он мне, в конце концов?! Детей с ним не крестить! Просто у этих ребят-нелегалов какое-то чертовское обаяние. Он, подлюга, может всю твою подноготную выведать, а ты и сопротивляться не в силах. Гипнотические способности это, что ли?»

– Я тут прикинул, – продолжил Петр, – через пару дней вернусь из командировки и поеду сразу же в Черкесск. Не хочешь со мной прошвырнуться?

– А что я забыл в Карачаево-Черкесии? – насторожился Ермилов, с досадой подумав, что уже направил Богданова на поиски во Владикавказ по следу Евкоева, а Григорьев зарядил региональных товарищей тем же заданием – прошерстить граждан-террористов, приятелей Рашидика. Может, поторопился?

– В столице сего благодатного края у нас в розыске ряд человечков. Были они в Сирии. Повоевали. А теперь нам понадобились. Привлечь бы их к ответу. Братьев Сельмурзаевых, к примеру. Еще Газимагомедова и Чотчаева.

Горюнов говорил вроде по делу, но при этом хохмил. Олег подумал, что перед Петром сидит какой-то благодарный слушатель, на которого он и работает.

– Знакомые имена. И что?

– А вот задержали мы там одного перца. Он с Газимагомедовым в одном военном учебном лагере обретался, в «Сабри», около Табки. Вернулся домой. Рассчитывал, видимо, что никто не узнает о его похождениях в Сирии. А он там руку, кстати, потерял. Еле жив остался.

– А если ближе к сути.

– Да уж ближе-то некуда. По моим сведениям, Евкоев пересекался с нашим задержанным Джумалом Каитовым.

– Где Атма, а где Табка?

– Пересекались они у нас на Кавказе, а не в Сирии, – заговорил строже Горюнов. – В мечети, где их кадрили в ИГИЛ. Каитов ездил во Владикавказ.

– А перевезти его в Москву нельзя? – занудствовал Ермилов.

– Он хороший мальчик. Активно сотрудничает, дает показания. Не стоит его нервировать переездом в «Лефортово». А мы с тобой можем проветриться, тем более у меня в Черкесске и другие дела. Чувствую, пребываешь в нерешительности… Обсуди с Плотниковым. Через пару дней приеду, и вернемся к этому разговору.

– Удачно съездить, – вежливо пожелал Ермилов, хотя на языке вертелось: «Скатертью дорога». Он посмотрел на Григорьева, положив телефонную трубку.

– Я понял, – кивнул Вадим. – Набивается в помощники? И все-таки поставить галочку для него не главное.

– Ты, гляжу, в адвокаты к нему записался? Мы и сами галочки ставить мастаки. От помощи не откажемся, хотя работу в направлении «Владикавказ» тебе никто не отменял.

Олег взглянул на дисплей зазвонившего мобильного. Там высветилось: «Наташка». Ермилов покосился на зама, и тот понимающе поспешил удалиться, услышав уже в дверях:

– Ну чего тебе? Извиняться надумала, безалаберная дщерь моя?

– Ты почему домой не едешь? – совершенно Люськиным тоном поинтересовалась она, пропустив мимо ушей его вопрос. – И когда билеты в цирк купишь?

– Летом цирк на гастролях, – Олег взглянул на часы – начало седьмого. Он догадывался, что пронырливую Наташку, отхватившую от родителей лучшие

гены, «снявшую пенки», как любила шутить Людмила, на мякине не проведешь. И не ошибся.

– Пап, ты безнадежно устарел. Ты слышал о такой штуке, как интернет? Так вот там черным по белому написано, что цирк никуда не уехал и клоуны трудятся согласно штатному расписанию. И кстати, касса работает до девятнадцати часов.

– И откуда ты этого набралась? «Штатное расписание», – покрутил головой Олег, понимая, что рыжая Наташка объехала его на той самой кривой козе, лихо пришпоривая козу острыми пятками маленьких ножек. Ермилов начал таять, вспомнив о ее маленьких ступнях, они обе умещались на его ладони. Он тут же подумал, что уже не слишком молод, увидит ли, как Наташка повзрослеет, станет всемирно известной адвокатессой… Его лирические думы были оборваны бесцеремонно и цинично этой будущей адвокатшей:

– Папа, ты уснул там, что ли? Касса закроется!

– Наталья, ты вообще-то должна быть наказана! – попытался рыкнуть старый лев, но его тут же погладили по гриве:

– Папочка, ты же меня любишь. И я тебя. Жду билеты! – и хлоп трубку.

Звонила с городского, и Олег всерьез обеспокоился, не треснул ли пластмассовый корпус телефона от ее энергии.

«Убью ее, – ласково подумал он, заторопившись. – Бабы-Яги на нее нет с ее гастрономическими предпочтениями. А в кассу еще успею».

Звонок Богданова застал его как раз в кассе цирка на Цветном. Он уже расплачивался, и пришлось жонглировать бумажником, мобильным и протянутыми ему кассиршей билетами. (Олег предусмотрительно взял билеты на такой день, когда и у Петьки выходной в больнице. Для подстраховки – горький опыт был, и слезы Наташки он не выносил.)

– Богданыч, ты, как всегда, вовремя, – пропыхтел Ермилов, прижимая ухом сотовый к плечу. – Чего нарыл?

– Да как тебе сказать? – голос у Славки был пьяненький и довольный. – Я тут во Владике зависаю.

– Я уж слышу, – со скепсисом, но порадовался за друга Олег. – Богданыч, а если ближе к насущным проблемам?

– Думаю, тебе стоит приехать. Поговорить тут с человеком, – намекнул Славка, и его голос больше не звучал так уж нетрезво – Богданов секунду назад переигрывал. Чтобы его напоить, а тем более свалить с ног, надо было о-очень постараться.

«Гостеприимный Кавказ надвигается на меня с неумолимостью, – подумал Ермилов, взглянув на билеты. – До конца недели еще время есть. Успею, если подскочить на денек в Северную Осетию. Туда и обратно. Еще не факт, что придется ехать затем и с Горюновым. Большой вопрос, как ко взаимодействию с Горюновым отнесется Плотников».

– Слав, а ты уверен, что мне стоит затеваться с командировкой? Ты серьезного человека нашел?

– Не доверяешь? – забасил Богданов. – Вот я иногда жалею, что пуп надрывал, когда тебя раненого вытаскивал из-под огня.

– Не гуди! Приеду.

– Завтра тебя жду, – уточнил Вячеслав.

– Ты ошалел? Когда я успею? – Олег почесал макушку и махнул рукой: – А леший с тобой! Жди. Только не думай, что мы сможем предаться разгульной жизни и наслаждаться кавказскими застольями.

– Ха! – ответил на это Богданов и прервал связь.

* * *

– А почему Магас? – Олег сонно щурился на огни за окном автомобиля. – Наш Евкоев из Владикавказа.

Богданов сам вел черную «БМВ». Ему, как проверяющему из министерства, тут всячески благоволили.

– Так у него же родственники там и друзей полно, – Славка оборачивался на сидящего на заднем сиденье Олега. – Пригороды Владикавказа ингуши считают своей территорией. Да там их много. Ты же чекист, должен на два метра под землей видеть!

– На дорогу смотри! Тут тебе не Москва. Они тоже на дорогу не смотрят. А потом перестрелка начнется. Ни твоя, ни моя ксивы не спасут. Надеюсь, мы не посреди ночи в Магас отправимся?

– Можем. Тут езды около часа. Но лучше с утречка. Ты же в местном УФСБ должен показаться.

– Вообще-то, стоит, – кивнул Ермилов.

Он всегда трудно адаптировался к новой обстановке. Еще утром был в дождливой Москве, бегал по кабинетам дома-два, оформлял командировку, одобренную Плотниковым, связался с Северо-Кавказским УФСБ, известив о своем прибытии. А теперь уже за окном машины темные силуэты гор Скалистого хребта, жара даже сейчас, ранним южным вечером, порожистый Терек, подсвеченный фонарями вдоль набережной. Усиленный динамиками мелодичный призыв муэдзина к молитве, доносившийся из мечети.

Ермилов успел в Москве только заскочить домой, собрать вещи, благо на служебной машине подвезли, и полчаса отдохнуть, если это можно назвать отдыхом.

– В цирк! Ты же обещал! – прыгала по комнате Наташка, пока он прилег перед дорогой, чтобы собраться с мыслями.

Хвост из рыжих лисьих волос взлетал у нее над головой, когда Наташка оглушительно приземлялась на многострадальный паркет, и оседал на узенькие

плечи, когда она снова подскакивала.

Древний, дряхлый Мартин возмущенно крутил головой от производимого девчонкой шума, выглядывая со своего собачьего диванчика, стоящего в спальне между балконной дверью и трюмо.

– Я уже старый для цирка.

– Ну я же не прошу тебя там выступать! – надулась Наташка.

– Сходи с братом, – зевнул Ермилов, пытаясь вспомнить, чем он руководствовался двенадцать лет назад, когда произвел на свет эту рыжую, наглую (похлеще Петьки в его юные годы) бестию.

Ему очень хотелось побыть в тишине, а не вздрагивать под щелчки шлепанцев об острые розовые Наташкины пятки, издающие звук кастаньет. Она все еще скакала на месте от переизбытка энергии.

Потом он мчался в аэропорт, а в ушах все еще звучали эти ритмичные щелчки…

Богданов зарулил на стоянку около здания гостиницы «Владикавказ» с улицы Коцоева. В огромном вестибюле пол в большую бело-зеленую кафельную клетку вызвал у Ермилова чувство подавленности. Слишком уж все монументально. Этажей десять – довольно большая гостиница и плотно заселенная в летний сезон. Номер оказался вполне приличный, немного в советском духе. В темноте вид из окна не впечатлил – редкие огни и словно бы лес, что ли, впереди. Терек только угадывался, давая отблеск от луны и фонарей.

Ермилов разочарованно задернул шторы, собираясь завалиться на просторную кровать и выспаться перед завтрашними делами. К вечеру он должен был вернуться в Москву, как велел Плотников. Петр Анатольевич не любил надолго выпускать сотрудников из своего начальственного поля зрения. Сам всегда динамично работал и того же требовал от подчиненных.

Он вообще уже начал проявлять недовольство, что Ермилов так долго отрабатывает информацию по этой справке.

– Олег! – в номер заглянул Славка с обиженным выражением лица, держа в здоровенной лапище бутылку водки за горлышко. – Ты что, всерьез собрался дать храпака? А еще друг называется.

– Ты ошалел? Предлагаешь мне завтра явиться в Управление, «дыша духами и туманами»? Лучше расскажи, что ты тут добыл для меня?

Богданов с унылым лицом бухнул бутылку на журнальный столик и сел напротив Олега в кресло. Кресло жалобно крякнуло под его массивным генеральским телом.

– Скучно с тобой стало. Подай мне стакан. Я буду пить в одиночку. Если что, мой номер соседний – отнесешь мое бездыханное тело туда.

– С чего это ты собрался так упиться? – Ермилов насмешливо смерил взглядом бутылку водки. – Этой мензурки тебе не хватит. Рассказывай, – он хлопнул ободряюще Богданова по могучему колену. – Если ты меня вызвал сюда только за этим, – Олег звонко щелкнул по горлышку бутылки, – я на тебя Люську натравлю.

– У Евкоева в Магасе есть двоюродный брат. Мне сказали, что он будет с нами откровенен и у него зуб на брата.

Богданов чего-то недоговаривал. Он закурил, к неудовольствию Олега, и с тоской поглядел на бутылку.

– Куражу в тебе нет, Олег Константиныч. В прокуратурке ты был повеселее, попроще.

– Не бухти! Они тут друг друга не закладывают, тем более властям. Почему вдруг брат решил пооткровенничать?

– Завтра поймешь, – отмахнулся Богданов. С зажатой в зубах сигаретой, захватив бутылку, он удалился к себе в номер.

Явление страждущего Богданова согнало сон с Олега. Он достал из сумки ноутбук. Еще в Москве записал несколько файлов на свой компьютер, чтобы

почитать в самолете. Но в полете просто-напросто уснул: была сильная турбулентность, и его укачало.

– «Белые каски», – пробормотал он, – как строители гуманного общества, что ли. Все в белом. Только руки по локоть во лжи, хлоре и зарине и видеокамера на боку. Карикатура какая-то. «Белые каски» – как белый флаг, который в данном случае выбрасывают не для того, чтобы вести переговоры или сдаться, а для того, чтобы влезть в зону боевых действий и устроить провокацию.

«Вот и основатель этой гуманитарной конторки. Джеймс ле Мезюрье – бывший офицер британской армии. За его плечами – Босния, Косово, Ирак, Палестина и Ливан. «Оставив» армию, он стал наемником одной из фирм, связанных напрямую с Blackwater Academy. При этом частная военная компания (ЧВК) «Черная вода» была создана тоже бывшим офицером, но американским. В 1997 году. Накануне событий на Ближнем Востоке. Ирак и далее везде.

Став одним из наемников, Мезюрье, вероятно, создавал себе имидж головореза, чтобы привлекать под свои знамена людей беспринципных, намеренных сеять хаос вокруг себя, а Мезюрье, вернее, те, кто за ним стояли, люди из МИ6, возглавили бы этот хаос и грамотно направляли его, в данном случае против правительственных войск Сирии, против сирийцев. Ведь арабов англичане ни во что не ставили, как и все народы Африки и Ближнего Востока.

Ермилов попытался представить себя на месте этого Мезюрье. И в подобном умозрительном допущении возникала нестыковка психологического толка. Окончил Джеймс Королевскую военную академию в Сандхерсте, а затем вдруг, наплевав на годы непростой учебы и службы, стал просто наемником, рискующим головой ежедневно. Только из-за денег? Идеи в такой «работе» нет и быть не может. Психические отклонения? Может, садист он? Искатель приключений?

А вот если предположить, что Мезюрье получил вполне конкретное задание и, как исполнительный британский офицер, последовательно его воплощал в жизнь, то все встает на свои места. И география его перемещений, и работа в ЧВК.

И вот этот тип ставит на рельсы британский гуманизм особого толка. Гуманизм в арабские массы! Ровно в тот момент, когда пробные шары с химоружием уже с

грохотом прокатились по страницам мировой прессы. А теперь надо все поставить на поток – съемки – имитацию химатаки или в самом деле устроить химатаку, подорвав самодельный баллон с хлором или баллон из тех запасов, что американцы нашли у иракцев.

Вообще, затевать такое дело, как общественная организация, да еще и в чужой стране, – это надо иметь конкретную цель и средства. И они есть. Цель – свержение Асада, хаос на территории Сирии с возможностью бесконтрольно и безвозмездно качать нефть. Зачем им какие-то арабы, будь то сирийцы или иракцы, мотающиеся под ногами? Пусть они похоронят своих убитых – миллионы мужчин, женщин, детей, стариков, пусть откопают полуистлевшие трупы из-под развалин домов, пусть оставшиеся в живых станут работать, обслуживая американские военные базы, расположенные на их земле, бегут в Европу или пополнят ИГИЛ, порождение «Аль-Каиды», созданной теми же авторами, написавшими сценарий уничтожения части арабского мира.

Средства вкладывают активно. США и Великобритания, Германия и Нидерланды, Катар…

«Ну катарцам оно, конечно, надо», – Олег встал и прошелся по красному ковролину, устилавшему пол. Снял трубку телефона и заказал чай в номер. Спать все еще не хотелось, в голове было до звона чисто и ясно, как бывает в комнате после ремонта и генеральной уборки.

Он выключил верхний свет, оставив тусклое бра над кроватью. Подошел к окну, отодвинув штору. Только сейчас заметил правее освещенные в ночи два минарета мечети. Оттуда вдруг донесся голос муэдзина, усиленный динамиками, и покатился над Тереком.

Постучавшись, в дверь зашел худосочный официант с тележкой. И, переставив на стол чашку, чайник и вазочку с печеньем, собрался было уйти, но Ермилов поинтересовался:

– А какая сейчас молитва?

Официант на секунду замешкался, но ответил:

– Без двадцати десять – это Иша.

– Намазы ведь, насколько я знаю, каждый раз в разное время начинаются. Как вы ориентируетесь? По призыву муэдзина?

– Можно узнать расписание в мечети или по интернету. А мне вот СМС-рассылка приходит с расписанием на следующий день. Приятного аппетита, – дежурно пожелал он и вышел.

Ермилов с удовольствием напился чаю, думая, что можно мирно молиться Аллаху и после этого не идти в толпу, надев пояс шахида. Кому придет в голову предположение, что Бога, сосредоточие вселенской доброты, воплощение доброты, порадует убийство под каким бы соусом его ни подносили? Будь то очищение территории от «не той» расы или от людей «не той» веры.

Он вернулся мыслями к спонсорам «Белых касок». Катарцы кого только не спонсируют! Всесторонние ребята из страны ваххабитской монархии, как и саудиты, богатые нефтью и газом, с более чем достойным доходом на душу немногочисленного своего населения.

Они подкидывали деньги и «Аль-Каиде», и «Братьям-мусульманам», и «Хезбалле», и «Джебхат ан-Нусре», и хамасовцам. Всем сестрам по серьгам. Они затеяли вести катаро-турецкий газопровод из общего с Ираном месторождения в Европу по двум веткам, в том числе и через Сирию и Ирак. В результате отказов двух последних стран Ирак – в руинах, Саддам – в петле, а на Асада натравили ИГИЛ, боевиков всех мастей, и оккупировавшую САР без санкции ООН западную коалицию.

Катарцы вкладывались во множество проектов, в известные мировые бренды, получая нередко контрольный пакет акций. В том числе и в российский бизнес. В аэропорт «Пулково», десять процентов имеют в Роснефти.

Однако и Катар в начале июня поприжали под самым забавным, как казалось Ермилову, предлогом. За дестабилизацию в регионе, вмешательство во внутренние дела стран Ближневосточного региона и спонсирование террористических организаций. До июня 2017 года отчего-то с Катаром никто не пытался порвать дипломатические отношения и уж тем более его изолировать. А тут и Бахрейн, и Египет, и Саудовская Аравия, Эмираты и с запозданием Йемен, Ливия, Мальдивская Республика и Маврикий.

Америка воспитывает Катар, чтобы был сговорчивее. Тут же США заключили сделку с Саудовской Аравией почти на сто десять миллиардов долларов, чтобы модернизировать вооруженные силы саудитов. И еще подготовили для Эр-Рияда поставки вооружения на триста пятьдесят миллиардов.

Катарцы готовы общаться и взаимодействовать со всеми, в том числе и с Ираном, чего им не могут простить. Вот поэтому «воспитывают», вкладывают в клювики червячков более сговорчивым своим птенцам в белых гутрах на макушках, сидящим в гнезде Ближнего Востока.

Ни американцам, ни англичанам не нужно, чтобы один из птенцов стал крупнее других и пухлым задом в пышных перьях выпихнул соседей из гнезда.

Тем более на территории Катара в Эс-Салии расположены командный пункт объединенного центрального командования американских вооруженных сил (отсюда США руководил операцией в Ираке) и база Эль-Удейд неподалеку от Дохи. Есть и еще одна база. И в целом, на территории Кувейта около одиннадцати тысяч американских военнослужащих, во всяком случае, именно столько их «задекларировал» канал CNN, а на самом деле, может, и больше. А это количество сопоставимо со всей численностью кувейтских вооруженных сил. Плюс склады с обмундированием, современным вооружением, аэродром с длинной взлетной полосой на все случаи жизни, самолеты и танки…

«Арабы – народ своеобразный, – Олег подлил чай в чашку и переместился к прикроватной тумбочке, где стоял ноутбук. – К ним ни с нашим, ни с западным менталитетом лучше не соваться. Мы их не поймем, надо поискать того, кто сможет прогнозировать их дальнейшие шаги в том или ином вопросе».

Он вспомнил про Горюнова: «Любопытно, перенял этот странный тип арабский менталитет, когда много лет жил в Ираке, или все же «думал по-русски»?»

– Ну кто-то же должен быть из арабов в этом богоугодном заведении, – пробормотал Олег, щелкая сенсорной мышью в поисках нужного файла. – Хотя бы для имитации патриотической направленности сего гуманизма.

Англичанин-организатор и, очевидно, разведчик МИ6, спонсоры-доброхоты, одни из которых заинтересованы в гибели Сирии как государства, другие хотят использовать ее территорию как свою. Могут ли такие люди преследовать

гуманистические устремления по отношению к тем, кого хотят уничтожить? Вопрос риторический.

Ермилов хмыкнул, прочитав, что катарцам принадлежит голливудская киностудия Miramax Films, которую они купили в прошлом году приблизительно за миллиард долларов. Председатель Аль-Хелаифи сказал, что это будет способствовать «росту производства нового контента». Что он имел в виду? Съемки выездной группой Miramax совместно с «Белыми касками» фильмов ужаса про «зверства» Асада и «отравление» мирных граждан? На актерах можно сэкономить, их набирают из местных – либо изголодавшихся детей, либо из авантюристов и боевиков «Ан-Нусры».

«А вот и араб, – оживился Олег, подавшись к монитору ноутбука и поправив очки, которые надевал для чтения. – Айман Фатих. И даже сириец. Он, правда, жил с дипломатами-родителями где угодно, но только не на родной земле. Вырос вдали от нее. А жена его возглавила «Белые каски». Не он сам… – Ермилов побарабанил пальцами по столу и снова наклонился к экрану. – Ему сейчас… – он мысленно прикинул, – пятьдесят девять. Образование получил в США».

Ермилов поморщился, пытаясь понять, почему не в Великобритании, ведь гражданином этой страны он стал, возможно, по рождению. «Хотя нет, для этого кто-то из родителей должен быть гражданином Великобритании или заморских территорий».

«Ну допустим, его отцу дали гражданство за какие-то заслуги. Вопрос, какого плана были эти заслуги?»

Олег выписал в блокнот, лежащий рядом с компьютером: «Айман Фатих, Сосан Фатих». Именно Сосан, жена бизнесмена, возглавила организацию «Белые каски», а по совместительству она сопредседатель исполнительного комитета «США – проекты на Ближнем Востоке».

Ермилов поглядел на выписанные имена, испытывая горячее желание понять, кто такой этот Фатих и каким боком он к Сирии, в которой никогда не жил.

Еще больше его волновала привязка их к англичанину, бродившему в сопровождении Евкоева по военному лагерю ИГИЛ. Где этот Фатих и где

англичанин, вероятно, рядовой сотрудник «Белых касок»? Может, машина, на которой он разъезжал, просто трофейная?

Но Ермилов много раз убеждался, что факты, сперва кажущиеся далекими друг от друга и никак не связанными между собой, порой оказываются спаянными намертво. Только эти связи невидимы и тщательно замаскированы опытными людьми, знающими толк в вопросах камуфлирования. Над этим зачастую работают целые отделы в спецслужбах Европы и Запада.

* * *

Утром в вестибюле гостиницы Олег поджидал заспавшегося Богданова. Он купил туристическую брошюрку, ориентированную отчего-то на мусульманских туристов. В ней указывались адреса мечетей, в том числе и той самой, минареты которой Олег видел из окна своего номера, построенной, как следовало из брошюры, в начале прошлого века в египетской архитектурной манере на деньги азербайджанского мецената Мухтарова. Она так и называлась – мечеть Мухтарова, или Суннитская мечеть.

Вдруг в памяти всплыл образ этой мечети, но не в связи с ее культурной и религиозной ценностью. Это было связано с его работой в Генпрокуратуре. Он тогда что-то читал в сводках… Олег прохаживался по вестибюлю, постукивая себя брошюркой по носу и чувствуя острый запах типографской краски. И все-таки вспомнил. В 1996 году у стены мечети сдетонировало взрывное устройство, выбив в стене дыру полтора на два метра.

«Да, тогда еще все только начиналось. Мы впервые после развала Советского Союза стали понимать, что такое открытость миру, к которой так стремились. В распахнутые настежь двери, вернее, даже в выбитые, висящие на одной петле, прорывалось нечто чужеродное, страшное. Невероятная агрессия, которая вылилась в межнациональную рознь – Таджикистан, Азербайджан, Чечня… Наемники участвовали и в первой, и во второй войнах на Кавказе, как позже в Ираке и Сирии… Фактически начавшаяся перманентная террористическая война не прекращается ни на минуту. Она пульсирует терактами по всем странам мира, а периодически обостряется до прямого противостояния. Сложно поверить, что нет центра, организующего эти «вспышки справа, вспышки слева». Это, конечно, не мифический доктор Зло. Террористические группы разрозненны, каждая из них действует по своему алгоритму и преследует свои

цели и реализует свою идеологию, однако неведомым образом все они работают словно бы в унисон, пляшут под одну дудку – под звуки волынки, к примеру, или что-нибудь в стиле кантри».

Искоренить веру в людях невозможно, это показали семьдесят лет советской власти, когда такие попытки делались. Умные технологи войны и терроризма смекнули, что можно поиграть на религиозности, и взялись теребить именно эти струны молодых душ, потерявшихся в хаосе современного повального атеизма и пофигизма. Когда молодежь отказывалась идти под знаменем за правое дело? Революционное студенчество во всех странах мира всегда отличалось наибольшей активностью и даже агрессивностью, поскольку обладало безапелляционным максимализмом. «Patria o muerto!»[5 - «Patria o muerto!» (исп.) – «Родина или смерть!» – лозунг кубинской революции.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Баб-и Алем» – международная студенческая организация.

2

НВФ – незаконное вооруженное формирование.

3

Omnia mea mecum porto (лат.) – все мое ношу с собой.

4

Прекурсор (лат. – предшественник) – вещество, участвующее в реакции, приводящей к образованию целевого вещества.

5

«Patria o muerto!» (исп.) – «Родина или смерть!» – лозунг кубинской революции.

Купить: https://tellnovel.com/degtyareva_irina/himiya-ee-velichestva

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити